



Петръ Великій и царевичъ Алексѣй.

Источники и литература предмета.

„Объявленіе розыскаго дѣла и суда, по указу Его Царскаго Величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктъ-Петербургъ отправленнаго“. 1718.—*И. Голицова* „Дѣянія Петра Великаго“. М. 1788—1789.—*Его же* „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго“. М. 1790—1796.—*Мурзакевича* „Письма царевича Алексѣя Петровича“. Одесса. 1849.—*Устрялова* „Исторія царствованія Петра Великаго“. Томъ IV. Спб. 1863. А главнымъ образомъ томъ VI. Спб. 1859, болѣе чѣмъ наполовину занятый архивными документами.—*Погодина* „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“. Русская Бесѣда. 1860 г.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“, съ прилож. документовъ, найденныхъ. *Г. В. Есиповымъ*.—„Чтенія Общ. Исторіи и Древностей“. 1861. Кн. III.—*Жоржа Верне* Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam, dans les années 1697 et 1717. Utrecht. 1865.—*Соловьева* „Исторія Россіи“. Т. XVII. М. 1867.—*Костомарова* „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“. 2-й отдѣлъ гл. XVII. Спб. 1874.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй“. Древняя и Новая Россія. 1875. Январь—февраль.—*Герье* Die Kronprinzessin Charlotte von Russland. Bonn. 1875.—*Его же* „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница“. Спб. 1873.—*Вебера* Das veränderte Russland. Franckfurt-Leipzig. 1738.—*Уалема* Leben Peters des Grossen. Zweiter Band. Münster-Leipzig. 1804.—*Германа* Geschichte des russ. Staates. IV Band. Hamburg. 1849.—*Его же* Peter der Grosse und Zarewitsch Alexei. Leipzig. 1880.—*Брикнера* Der Zarewitsch Alexei. Heidelberg. 1880.—*Валишевскаго* Pierre le Grand. Paris. 1905. Chapitre VIII.—*Бюшинга* Magazin für die neue Historie und Geographie. Th. IX, XI, XV. Halle 1775—1781.

Ограничиваюсь важнѣйшими источниками и сочиненіями. Не перечисляю менѣе важныхъ матерьяловъ и разныхъ журнальныхъ статей.

I.

Отвергнутая супруга и осиротѣвшій наследникъ престола.

Какъ извѣстно, царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ, прервалъ свое продолжительное заграничное пребываніе и поспѣшилъ воротиться въ Москву, чтобы лично и непосредственно заняться кровавымъ стрѣлецкимъ розыскомъ. Въ послѣднихъ числахъ Августа 1698 года онъ поселился въ своемъ загородномъ Преображенскомъ дворцѣ, по сосѣдству съ излюбленной имъ Нѣмецкой слободой. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заграничныхъ обычаевъ, онъ, не теряя времени, наглядно приступилъ къ реформѣ

Русскаго наружнаго обличія, начавъ собственоручно обрѣзывать бороды являвшимся къ нему на поклонъ степеннымъ Московскимъ боярамъ.

Посѣщая Лефорта и другихъ своихъ пріятелей въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ особое вниманіе оказывалъ семейству виноторговца Монса, среди котораго цвѣла тогдашняя царская зазноба, одна изъ дочерей Монса, красавица Анна. Послѣ кончины любящей, заботливой матери, т.-е. Натальи Кирилловны, уже некому было сдерживать бурныя увлеченія молодого царя, съ его ничѣмъ неограниченнымъ самовластіемъ, и защитить отъ гоненія его законную супругу, Евдокію Ѳедоровну Лопухину.

Когда-то Петръ любилъ Евдокію и первенца ихъ „Алешиньку“. Во время частыхъ отлучекъ мужа она писала ему нѣжныя посланія, называя его „лапушка мой“, и слезно жаловалась, если не получала отъ него извѣстій. Но онъ уже давно охладѣлъ къ ней и привыкъ развлекаться на сторонѣ. А во время своего заграничнаго пребыванія рѣшилъ и совсѣмъ отъ нея отдѣлаться. Для этого существовалъ обычный и легкій способъ: монастырь. И вотъ царь изъ Англіи и Голландіи шлетъ дядѣ своему Льву Кирилловичу Нарышкину и близкому боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу неоднократный приказъ: уговорить царицу къ постриженію съ помощью ея духовника. Не зная за собою никакой вины, Евдокія отказалась исполнить волю своего супруга до его возвращенія. А когда онъ возвратился и она продолжала упорствовать, царь съ свойственной ему тиранией употребилъ насиліе. Несчастную Евдокію посадили въ простую колымагу и отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, противъ воли постригли въ монахини, подъ именемъ Елены. При чемъ не было назначено ни служительницъ къ ней, ни денегъ на сколько-нибудь ея приличное содержаніе, такъ что она терпѣла нужду даже въ сѣстныхъ припасахъ и обращалась иногда за помощью къ своимъ родственникамъ Лопухинымъ. Отправляя въ монастырь, отняли отъ матери сына, т.-е. царевича Алексѣя Петровича, по девятому году отъ рожденія, и передали его сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, почему-то питавшей нерасположеніе къ Евдокіи Ѳедоровнѣ.

Напрасно услужливые историческіе писатели старались объяснить такой насильственный поступокъ царя съ своею безвинной супругой разницею ихъ вкусовъ и взглядовъ, несочувствіемъ царицы къ ея родни къ излишнему преклоненію Петра передъ иноземцами и т. п. Нѣтъ, тутъ во всей силѣ сказался его необузданный нравъ, не

признававшій для себя никакихъ нравственныхъ и семейныхъ обязанностей. Этотъ поступокъ и былъ началомъ той трагедіи, которая омрачила знаменитое царствованіе и печальныя слѣдствія которой Россія не перестала испытывать до сихъ поръ *).

На седьмомъ году царевича начали обучать грамотѣ, для чего къ нему былъ приставленъ Никифоръ Вяземскій, человекъ ничтожный и малообразованный. Отнявъ сына отъ матери, Петръ какъ будто озаботился его воспитаніемъ, и нѣкоторое время намѣревался для того отправить его въ Германію. Германская императрица Елеонора, супруга Леопольда, изъявляла желаніе воспитать Русскаго царевича при своемъ дворѣ и впослѣдствіи выдать за него одну изъ своихъ дочерей; но завязавшіеся о томъ переговоры окончились ничѣмъ. Затѣмъ Петръ хотѣлъ отправить сына для воспитанія въ Дрезденъ подъ покровительство своего союзника герцога Саксонскаго и короля Польскаго Августа II. Но отвлеченный начавшейся войною со Шведами, не исполнилъ сего намѣренія. Вмѣсто того онъ поручилъ образованіе сына вступившему въ Русскую службу Нѣмецкому барону Гизену (1703 г.). Баронъ представилъ царю заманчивую, рассчитанную на два года, образовательную программу, въ которую входили религіозно-нравственные предметы, Французскій языкъ, географія, ариметика, геометрія, исторія, политика (по Французскимъ курантамъ и Пуффендорфу) и т. д., до фехтованія, танцевъ и верховой ѣзды включительно. Высшій надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ царскому любимцу, полуграмотному Александру Даниловичу Меньшикову; по современнымъ нашимъ понятіямъ, сей послѣдній сдѣланъ попечителемъ наслѣдника. Въ томъ же году царевичъ впервые участвовалъ въ военномъ походѣ на устьѣ Невы солдатомъ бомбардирской роты и присутствовалъ при взятіи Ніеншанца. По возвращеніи въ Москву, царь торжественно передалъ Гизену, какъ прекрасному, надежному воспитателю, своего сына и будущаго преемника. А въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ царевича съ его воспитателемъ при осадѣ и взятіи Нарвы. По случаю сей побѣды царь обратился къ сыну съ увѣщаніемъ быть ему достойнымъ преемникомъ, подражать его примѣру и не щадить трудовъ для общаго блага; въ противномъ случаѣ грозилъ отречься отъ него,

*) „Не сказавъ никому ни слова, Петръ два раза ѣздилъ въ Ладожскій монастырь, что на Волховѣ, куда перевезена была Царица-монахиня, видѣлся съ нею, часа по два просиживалъ въ келіи, привозилъ ей и денегъ по двѣ тысячи рублей. Въ третій разъ также и туда же пріѣхалъ, остановился у монастырскихъ воротъ, не выходилъ изъ экипажа, призадумался, постоялъ и крикнулъ: назадъ!“ Это записано со словъ В. И. Лопухина. См. Воспоминанія Ѡ. П. Лубяновскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, стр. 118. П. Б.

т.-е. не признать своимъ сыномъ. Если вѣрить запискѣ Гизена, на эту неожиданную и поспѣшную угрозу четырнадцатилѣтній царевичъ отвѣтилъ умно и съ чувствомъ: онъ со слезами осыпалъ поцѣлуями отцовскую руку, указывалъ на свою крайнюю молодость, общалъ слѣдовать его примѣру и молилъ Бога на многіе годы сохранить здорově знаменитаго родителя.

Повидимому, дѣло воспитанія въ рукахъ Гизена пошло недурно. Но злой рокъ или вѣрнѣе какой-либо недобрый геній царевича, въ родѣ его коварнаго попечителя Александра Меньшикова, поспѣшилъ это дѣло испортить. Уже въ слѣдующемъ 1705 году баронъ Гизенъ былъ отдаленъ отъ царевича; его отправили за границу съ разными неважными порученіями, каковы: въ Берлинѣ присутствовать при погребеніи Прусской королевы, въ Вѣнѣ поздравить императора Иосифа I съ восшествіемъ на престолъ и предложить Польскую корону принцу Евгенію Савойскому (послѣ отреченія Августа II) и т. п. Какъ будто никто другой не могъ исполнить сихъ порученій! За границей Гизенъ пробылъ около четырехъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ Петръ обнаружилъ явное равнодушіе къ воспитанію своего наслѣдника, при которомъ оставался наставникомъ ничтожный Вяземскій. Въ тоже время царь пересталъ брать сына съ собой въ походы и вообще замѣтно началъ держать его вдали отъ себя, сохраняя видъ грознаго, недоступнаго судіи. А коварный попечитель, живя въ Петербургѣ, какъ бы намѣренно предоставлялъ осиротѣвшему царевичу свободу проживать подъ Москвою въ Преображенскомъ, проводить время по своему усмотрѣнію, привыкать къ бражничанью и окружать себя по преимуществу лицами чернаго и бѣлаго духовенства, съ духовникомъ его Яковомъ Игнатьевичемъ во главѣ, вообще съ людьми, недружелюбно смотрѣвшими на нововведенія Петра и на его пристрастіе къ иноземцамъ. Въ числѣ такихъ людей находились и царскія сестры (отъ Милославской), между которыми особой приверженностью къ старинѣ, враждой къ брату и недобрými внушеніями племяннику отличалась царевна Марья Алексѣевна. Единоутробная царская сестра Наталья Алексѣевна, очевидно, слѣдившая за поведеніемъ своего племянника, вдругъ извѣстила Петра, что Алексѣй пересылается съ своей матерью при посредствѣ ея родни и даже, о ужасъ, когда узналъ о приключившейся ей болѣзни, тайкомъ ѣздилъ къ ней въ Суздаль на свиданіе! Царь находился тогда (1707 г.) въ Польскихъ владѣніяхъ, въ мѣстечкѣ Жолквѣ. Онъ немедленно вызвалъ къ себѣ сына и гнѣвно обрушился на него за такой проступокъ.

Изъ Жолквы царь послалъ Алексѣя въ Смоленскъ для сбора провіанта и рекрутъ, и царевичъ успѣшно трудился тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще съ этого времени царь началъ занимать сына разными порученіями, относящимися къ Шведской войнѣ, каковы: укрѣпленія Московскаго Кремля, сборъ солдатъ и казаковъ, переписка съ областными воеводами и донесенія государю. Допедашія до насъ отъ сей эпохи многочисленныя письма царевича къ царю отличаются краткостью и толковостью; но въ нихъ постоянно проглядываютъ боязнь и робость передъ грознымъ отцомъ. Между тѣмъ, по донесенію Никифора Вяземскаго, царевичъ занимается исторіей и географіей и началъ учиться Нѣмецкому языку, а съ возвращеніемъ Гизена продолжалъ Французскіе уроки; учился также фортификаціи. Нѣкоторое время между отцомъ и сыномъ какъ будто водворились добрыя отношенія. Царевичъ, по порученію отца, набралъ пять полковъ, обучилъ ихъ и въ началѣ 1709 года лично провелъ ихъ къ нему на Украину, въ городъ Сумы; но дорогою отъ большихъ морозовъ простудился и жестоко занемогъ. Петръ встревожился, задержалъ свой отъѣздъ и назначилъ молебствія. Только когда опасность миновала, онъ выѣхалъ въ Воронежъ, куда потомъ отправился по своему выздоровленіи и царевичъ, чтобы присутствовать при спускѣ новыхъ кораблей. Но въ походѣ 1709 года и въ Полтавскомъ бою мы его не встрѣчаемъ. Въ томъ же 1709 году царь впервые отправилъ сына ради образованія за границу, а именно, черезъ Краковъ и Варшаву въ Дрезденъ, гдѣ онъ долженъ былъ изучать языки, геометрію и фортификацію. Сюда онъ прибылъ уже въ слѣдующемъ 1710 году съ небольшою свитою, среди которой находились два его сверстника, сыновья такихъ вельможъ, какъ князь Юрій Трубецкой и графъ Гавріиль Головкинъ. А во главѣ этой свиты стоялъ баронъ Гизень. Изъ Дрездена царевичъ ѣздилъ въ Карлсбадъ, гдѣ лѣчился водами. Повидимому, лѣчить потребовалось не одни только слѣдствія простуды, но также и слѣдствія преждевременной привычки къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Извѣстно, что самъ Петръ распространялъ и укоренялъ эту некультурную привычку въ окружающей его средѣ. Царевича не только никто не оберегалъ отъ сего зла; но есть основаніе полагать, что коварный его попечитель Меншиковъ съ затаенными задними цѣлями поощрялъ осиротѣлаго, при живыхъ родителяхъ, юношу предаваться необузданному пьянству. По крайней мѣрѣ самъ царевичъ потомъ указывалъ на него, какъ на главнаго виновника своей пагубной привычки.

Во хмѣлю царевичъ проявлялъ не одинъ веселый нравъ, но также вспыльчивость и, подобно отцу, давалъ волю своимъ рукамъ и своему

языку. Такъ: въ трезвомъ состояніи онъ очень почиталъ и слушался своего духовника, а въ подпитіи случалось жестоко его бранить и даже драть за бороду.

По окончаніи лѣчебнаго курса Алексѣй поѣхалъ изъ Карлсбада обратно въ Дрезденъ и дорогою черезъ Саксонскія рудныя горы обнаружилъ любознательность, осматривая рудокопныя работы, при чемъ спускался въ самыя шахты. Въ Дрезденѣ онъ снова занялся науками и, судя по иностраннымъ свидѣтельствамъ, занимался прилежно. Въ этихъ занятіяхъ провелъ около года и очевидно много читалъ, приобретаая книги на иностранныхъ языкахъ; этими книгами особенно могъ запастись во время своей поѣздки на знаменитую Лейпцигскую ярмарку осенью 1710 года.

Въ 1707 году Меньшиковъ къ своему титулу князя Римской имперіи получилъ еще наименованіе князя Ижорскаго и притомъ „свѣтлѣйшаго“. Въ дипломѣ на сей титулъ царь приводитъ разныя заслуги своего любимца и въ томъ числѣ „воспитаніе сына нашего, по званію высшаго управителя“. Очевидно, царь не зналъ или не желалъ знать, каково было вліяніе сего воспитателя на Русскаго престолонаслѣдника.

Изъ Лейпцига Алексѣй пишетъ въ Москву своему духовнику, что здѣсь сподобился причаститься святыхъ таинъ отъ Греческаго священника, у котораго исповѣдался посредствомъ своего подъячаго и толмача Ѳедора Еварлакова *), такъ какъ священникъ говорилъ съ нимъ по-латыни. Ко времени сего заграничнаго пребыванія вѣроятно относится очень любопытное, но безъ числа и года написанное посланіе его къ своему Московскому духовнику Якову Игнатьеву. Благочестивый, строго преданный православію, царевичъ скорбитъ о томъ, что при немъ нѣтъ Русскаго священника на случай смертнаго часа. Но, запуганный отцомъ, онъ не смѣетъ явно писать о своей нуждѣ; а потому проситъ своего духовника, чтобы тотъ тайно прислалъ къ нему какого-либо нестарога безженнаго попа, который бы переодѣлся въ Нѣмецкое платье, заростилъ гуменце или, совѣмъ обривъ голову, надѣлъ накладные волосы и находился бы при немъ подъ видомъ служителя. Но сей рискованный планъ, повидимому, остался неисполненнымъ.

*) За Василиемъ Еварлаковымъ была сестра князя Меньшикова, Аграфена, мать графовъ Н. и П. Паниныхъ. П. В.

II.

Первый Нѣмецкій бракъ Русскаго престолонаслѣдника.

Во время пребыванія царевича за границей, въ слѣдующемъ 1711 году царь женилъ своего сына.

При всемъ своемъ стремленіи къ брачнымъ союзамъ съ заграничными владѣтельными домами, Петръ лично не воспользовался возможностью вступить въ бракъ съ иностранной принцессою послѣ того, какъ заперъ въ монастырь свою первую супругу. Зато онъ усердно старался родниться съ Нѣмцами посредствомъ членовъ своей фамиліи. Такъ, двухъ своихъ племянницъ выдалъ за Нѣмецкихъ герцоговъ, Анну Іоанновну за Курляндскаго (1710 г.) и Екатерину Іоанновну за Мекленбургскаго (1716), а потомъ родную дочь Анну Петровну успѣлъ помолвить съ герцогомъ Голштинскимъ. Естественно, онъ рѣшилъ также поступить въ отношеніи къ своему единственному сыну и наслѣднику, и, когда Алексѣй Петровичъ сталъ приходить въ возрастъ, царь озаботился найти ему невѣсту въ Германіи. Эту деликатную миссію онъ, повидимому, возложилъ на того же барона Гизена, когда тотъ ѣздилъ по Нѣмецкимъ дворамъ съ разными вышеуказанными порученіями.

Въ 1707 году Гизенъ нашель искомую невѣсту при помощи барона Урбиха, Датскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, перешедшаго въ Русскую службу. То была принцесса Шарлотта, внучка герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха. Старшая ея сестра, красавица Елисавета, въ слѣдующемъ 1708 г., сдѣлалась женою Австрійскаго эрцгерцога Карла, въ то время претендента на Испанскій престолъ, но уже побѣжденнаго своимъ соперникомъ Филиппомъ Анжуйскимъ, внукомъ Людовика XIV. Петръ одобрилъ выборъ и вошелъ въ сношенія съ престарѣлымъ герцогомъ Вольфенбюттельскимъ; но за крайней юностью принцессы рѣшеніе вопроса было пока отложено. Наслѣдникъ Русскаго престола, не смотря на разницу въ культурѣ, представлялъ выгодную партію для *мелкихъ* Нѣмецкихъ дворовъ и, вѣроятно, не одинъ изъ нихъ желалъ брачнаго съ нимъ союза. Партія сдѣлалась еще болѣе выгодною послѣ того, какъ Полтавская побѣда высоко подняла Русскую державу во мнѣніи Западной Европы. Теперь выборъ невѣсты значительно облегчился. Но Вольфенбюттельская фамилія постаралась закрѣпить этотъ выборъ за своей принцессой. Въ ея пользу принялась дѣйствовать и Польская королевская чета, такъ какъ Шарлотта приходилась родственницею супругѣ Авгу-

ста II и воспитывалась при ея Дрезденскомъ дворѣ. Потому-то въ Дрезденъ и былъ направленъ царевичъ во время своего пребыванія за границей. Первая его встрѣча съ принцессой, въ присутствіи Польской королевы, произошла на пути изъ Дрездена въ Карлсбадъ, недалеко отъ послѣдняго, въ городкѣ Шлакенвертѣ, весною 1710 г. Алексѣю шелъ 22 годъ, а Шарлоттѣ 18-й. Женихъ представлялъ собою высокаго худоцаваго молодого человѣка съ открытымъ, довольно красивымъ лицомъ. Невѣста также была высока и худоцава и, хотя оспа значительно попортила ея лицо, однако, судя по портрету, она была недурной наружности. Взаимное впечатлѣніе молодыхъ людей, повидимому, было благопріятное, и если вѣрить ихъ письмамъ, его къ отцу, а ея къ матери, они понравились другъ другу. Однако, вопросъ объ ихъ бракѣ наладился невдругъ.

По Нѣмецкимъ свидѣтельствамъ, Алексѣй Петровичъ все время своего Дрезденскаго пребыванія велъ себя съ Нѣмцами вообще очень сдержанно, а въ особенности былъ застѣнчивъ съ женскимъ поломъ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ передаетъ слухъ (можетъ быть исходившій отъ служителей царевича), что въ Москвѣ онъ былъ влюбленъ въ сестру своего сверстника князя Трубецкого, который теперь находился въ его свитѣ. Но Петръ выдалъ ее замужъ и тѣмъ положили конецъ дальнѣйшему роману или намѣренію царевича жениться на подданной. Послѣ того молодой князь Трубецкой, если вѣрить означенному свидѣтельству, возненавидѣлъ Нѣмцевъ. А потому едва ли онъ уседно помогалъ своему товарищу, молодому гр. Головкину и другимъ членамъ свиты, которые изъ угожденія Петру старались расположить царевича къ браку съ принцессой Вольфенбюттельской. Но тотъ колебался, не принималъ участія въ начавшихся переговорахъ о брачныхъ условіяхъ и даже сердился, когда Нѣмецкія газеты извѣщали, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, о его предстоящемъ бракѣ съ принцессою. Ея родные и сторонники усердно слѣдили за нимъ; въ своихъ письмахъ они сообщали, что кромѣ наукъ онъ беретъ уроки танцевъ и любитъ посѣщать Французскій театръ, хотя по-французски будто бы не понимаетъ. Въ то же время съ неудовольствіемъ повторяли слухъ, что Дрезденскій намѣстникъ короля Августа князь Фирстенбергъ осыпалъ царевича любезностями и приглашеніями въ надеждѣ склонить его выборъ на свою дочь. Жаловались и на другія интриги, напримѣръ, въ пользу брака съ одной изъ Австрійскихъ эрцгерцогинь или съ дочерью Якова Собѣскаго. Говорили въ своихъ письмахъ также, что царевичъ, желая выиграть время, умышленно оказываетъ большое вниманіе дочери Фирстенберга и принцессѣ Вей-

сенфельской; что онъ просить у отца позволенія познакомиться и съ другими Европейскими принцессами, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выборъ, а между тѣмъ ищетъ предлога или случая уѣхать обратно въ Москву. Прибавляли, что по отношенію къ наслѣднику престола Русскіе вообще не желаютъ иностраннаго брака, благодаря которому иностранцы, пожалуй, будутъ господствовать въ Россіи, и будто бы сама супруга Русскаго посла въ Дрезденѣ графиня Матвѣева не вѣрила въ бракъ царевича съ Нѣмецкой принцессой.

Но всѣ подобныя слухи и толки не имѣли серьезнаго значенія; ибо царевичъ во всей этой исторіи съ своей женитьбой игралъ жалкую, пассивную роль. Онъ могъ только колебаться и оттягивать окончательное рѣшеніе, но измѣнить его не могъ. Надъ нимъ тяготѣла деспотичная воля грознаго отца, идти противъ которой онъ не смѣлъ и подумать.

Въ Сентябрѣ того же 1710 года Алексѣй изъ Дрездена съ частью своей свиты пріѣхалъ въ Саксонскій городъ Торгау, въ замкѣ котораго тогда проживала Польская королева съ своимъ сыномъ, наслѣднимъ принцемъ, и съ принцессой Шарлоттой. Тутъ оба престолонаслѣдника очень подружились и болѣе недѣли забавлялись охотою. Обѣдалъ царевичъ и проводилъ вечеръ обыкновенно у королевы, при чемъ былъ любезенъ съ принцессою. По ея словамъ, въ сравненіи съ первой встрѣчей были замѣтны его успѣхи въ свѣтскомъ обращеніи. На сей разъ онъ воротился въ Дрезденъ, не сдѣлавъ никакихъ объясненій. Но спустя двѣ недѣли, онъ снова пріѣхалъ въ Торгау и тутъ уже формально просилъ у Польской королевы руки принцессы Шарлотты. Его предложеніе было принято съ явнымъ удовольствіемъ. Однако, вскорѣ онъ опять воротился въ Дрезденъ къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Начался довольно частый письменный обмѣнъ любезностями съ его будущей родней и, конечно, на Нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ Алексѣй, очевидно, пользовался помощью своихъ учителей.

Въ тоже время царевичъ велъ дѣятельную переписку съ своими Московскими пріятелями (иногда при помощи тайнописи, т.-е. особо изобрѣтенной азбуки), главнымъ образомъ, съ духовникомъ своимъ Яковомъ Игнатьевымъ. Послѣдній, узнавъ о помолвкѣ духовнаго сына съ невѣстою Лютеранкою, естественно запросилъ его, нельзя ли побудить ее къ принятію православія. На это царевичъ не разъ отвѣчалъ, что принуждать онъ не можетъ; но что жена его, когда будетъ жить въ Россіи, то, видя красоту Русскаго обряда, прекрасныя иконы и церкви, великолѣпное облаченіе духовенства и божественное пѣніе

вмѣсто музыкальнаго органа, можетъ быть, сама обратится въ нашу вѣру.

Межь тѣмъ все еще продолжались переговоры о брачныхъ условіяхъ. Только въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1711 года, во время похода Петра противъ Турокъ, между нимъ и уполномоченнымъ герцога Шлейнищемъ въ Галицкомъ мѣстечкѣ Яворовѣ были намѣчены условія о бракѣ Русскаго престолонаслѣдника Алексѣя Петровича съ внучкою герцога Антона-Ульриха, дочерью его второго сына Людовика-Рудольфа и Христинны Лунзы, Шарлоттою-Христиною-Софією. Последняя въ силу этихъ условій получила право остаться при своемъ Лютеранскомъ исповѣданіи и имѣть для себя и окружающихъ единовѣрныхъ особъ обоюго пола особую каплицу. Вотъ какъ легко отнесся Петръ I къ иновѣрью супруги будущаго Русскаго государя, а слѣдовательно и къ неизбѣжному народному неудовольствію по сему поводу. Въ договорномъ проектѣ царевичъ прямо и ясно именованъ наслѣдникомъ Русскаго престола. Въ семъ договорѣ намѣчалось также денежное обезпеченіе принцессы отчасти со стороны ея дѣда, а главное, со стороны будущаго свекра; но точныя цифры пока не были опредѣлены.

Вслѣдъ затѣмъ Алексѣй, по повелѣнію отца, съ своею свитой отправился въ Вольфенбюттель и здѣсь, преимущественно въ загородномъ замкѣ Зальцталѣ, прожилъ въ семьѣ своей невѣсты все время отцовскаго Прутскаго похода. Когда ея родителямъ былъ представленъ брачный контрактъ, составленный въ Яворовѣ, то они обратили особое вниманіе на ежегодное содержаніе, предложенное царемъ для двора принцессы, именно 40.000 рублей. Царевичъ, исполняя отцовскія инструкціи, отстаивалъ сію цифру. Однако въ концѣ-концовъ согласился на 50.000 р., на что заранѣе былъ уполномоченъ. Точно такъ же родители настояли, чтобы ихъ дочь въ случаѣ преждевременной смерти ея мужа получала не меньшее содержаніе, равно останется ли она въ Москвѣ или выѣдетъ изъ предѣловъ Россійскаго государства. По окончаніи сего вопроса контрактъ былъ подписанъ и размѣненъ обѣими сторонами. О чемъ царевичъ извѣстилъ Петра письмомъ изъ Зальцталя отъ 23 Мая, которое начиналось обычнымъ его обращеніемъ „Милостивѣйшій Государь Батюшка“, а оканчивалось обычною подписью „Всепокорнѣйшій сынъ твой и слуга Алексѣй“. Отецъ же, повидимому, рѣдко и очень сухо отвѣчалъ на письма сына, ограничиваясь формальными извѣщеніями и приказаніями.

Стѣсненный съ этой стороны, царевичъ отводилъ душу въ дѣятельной перепискѣ со своими Московскими знакомцами, въ особен-

ности съ духовникомъ Игнатъевымъ, при чемъ обнаруживаетъ большой интересъ къ ихъ дѣламъ и отношеніямъ, особенно къ перемѣнамъ и назначеніямъ въ церковномъ вѣдомствѣ, но очень скупъ на извѣстія о самомъ себѣ, о своей невѣстѣ и ея роднѣ. Имѣемъ только одно посланіе, гдѣ онъ распространился о празднованіи дня великомученика Евстафія: въ этотъ день, послѣ богослуженія и проповѣди, царевичъ и его свита учинили пиръ, на которомъ, по его выраженію, „не понѣмецки веселились, а по русски“, и здоровье своихъ Московскихъ сердечныхъ любителей подтверждали чарками и стаканами“, въ чемъ рядомъ съ „Алексѣемъ Грѣшнымъ“ подписался „іерей Іоаннъ Слонскій“. Этотъ священникъ незадолго былъ присланъ изъ Москвы въ Дрезденъ, вѣроятно, въ виду предстоящаго бракосочетанія. Изъ писемъ царевича къ духовнику видно, что онъ желалъ прибытія къ себѣ за границу самого Якова Игнатьева, но радъ былъ и Слонскому.

Въ отношеніи къ принцессѣ Шарлоттѣ въ это время Алексѣй, очевидно, былъ настолько внимателенъ и любезенъ, что въ придворныхъ кругахъ поговаривали, будто онъ искренно влюбленъ въ свою невѣсту и съ нетерпѣніемъ ждетъ дня своей свадьбы. Дѣйствительно, имѣется его письмо къ вице-канцлеру Шафирову съ просьбою ускорить этотъ день. Но причина тому могла быть иная: изъ его писемъ къ духовнику мы знаемъ, что оба они и всѣ Московскіе знакомцы мечтали о скорѣйшемъ возвращеніи царевича въ Москву.

Въ Августѣ 1711 года окончился неудачный Прутскій походъ. А въ Сентябрѣ Петръ былъ уже въ Дрезденѣ, откуда направился въ Карлсбадъ поправлять свое растроившееся здоровье. Онъ рѣшилъ не откладывать долѣе свадьбу сына, для чего хотѣлъ вызвать его съ невѣстой и ея родными туда же, въ Карлсбадъ; однако, вѣроятно по желанію Польской королевы, перемѣнилъ намѣреніе и назначилъ мѣстомъ свадьбы помянутый Саксонскій городъ Торгау. Сюда пріѣхалъ онъ 13 Октября, и на слѣдующій день въ королевскомъ замкѣ совершилось бракосочетаніе царевича со всевозможною пышностію въ присутствіи царя, стараго герцога, Польской королевы, родителей принцессы и многочисленныхъ придворныхъ особъ, Нѣмцевъ и Русскихъ. Канцлеръ графъ Головкинъ держалъ вѣнецъ невѣсты. Царь поздравилъ молодыхъ и расцѣловался съ ними. Послѣ свадебнаго пира и бывшихъ затѣмъ танцевъ онъ лично проводилъ новобрачную чету въ отведенные ей покои. А на слѣдующее утро завтракалъ у нея вмѣстѣ со своими министрами. Вообще свадьба принцессы была отпразднована съ обычными въ Германіи увеселеніями, иллюминаціями и поздравительными депутаціями. Не было недостатка и въ стихотворныхъ дивирамбахъ придворныхъ поэтовъ.

Царь послѣ того оставался почти недѣлю въ Торгау, и тутъ произошла его первая (устроенная герцогомъ Антономъ) встрѣча съ знаменитымъ Германскимъ ученымъ Лейбницемъ, съ которымъ онъ совѣтовался о способахъ просвѣтить Россію посредствомъ наукъ и искусствъ. Бракъ Русскаго наслѣдника съ Нѣмецкою принцессою и особенно сохраненіе за нею Лютеранскаго исповѣданія возбудили тогда въ Германіи надежды на распространеніе Евангелическаго ученія въ Россіи. Сему предмету было посвящено цѣлое засѣданіе королевской Берлинской Академіи Наукъ, уже въ слѣдующемъ Ноябрьѣ мѣсяцѣ. Тутъ указывали на книжные интересы царевича; при его содѣйствіи рассчитывали завести въ Россіи Нѣмецкую типографію и книжную торговлю, а также сочинить подходящій къ цѣли Лютеранскій Катихизисъ и перевести его на Русскій языкъ. Однако нашлось возраженіе, отмѣтившее, что Русскіе очень интересуются мірскими науками, особенно историческими и математическими, но весьма щекотливы въ вопросахъ религіозныхъ. Одинъ изъ академикомъ замѣтилъ, что царевичъ Алексѣй даже болѣе преданъ наукамъ, чѣмъ самъ Петръ; а другой простеръ свой скептицизмъ въ отношеніи къ царю, заподозривъ его въ намѣреніи не слишкомъ распространять въ народѣ книжность и ученость изъ опасенія безпокойствъ и мятежей. Въ заключеніе рѣшили обратиться къ отцу Шарлотты, герцогу Людвигу-Рудольфу, съ письменной просьбой помочь проектированной Нѣмецкой миссіи въ Москвѣ вліяніемъ на своего зятя-царевича. Но эта просьба, повидимому, не имѣла серьезныхъ послѣдствій. Помимо несочувствія ей со стороны преданнаго православію царевича, Берлинскіе академики, очевидно, не имѣли точныхъ свѣдѣній о его собственномъ жалкомъ положеніи при отцовскомъ дворѣ.

III.

Жена и мачиха.

Въ эту эпоху на судьбу царевича все болѣе и болѣе стала вліять его мачиха Екатерина Алексѣевна.

Несмотря на обиліе разнаго рода извѣстій и указаній, сопровождавшихъ ея выступленіе на историческую сцену (а отчасти вслѣдствіе именно этого обилія и разнорѣчія), до сихъ поръ не вполне выяснились происхожденіе и первые шаги Екатерины на Русской почвѣ. Рожденная гдѣ-то въ Лифляндіи отъ крѣпостной матери, принадлежавшей къ крестьянской семьѣ Скавронскихъ, повидимому, природныхъ Литвиновъ или Латышей, Марта еще въ дѣтствѣ попала въ домъ

Маріенбургскаго пастора Глюка, и потомъ исполняла роль служанки при его дѣтяхъ. Пасторъ, бывшій самъ ученымъ языковѣдомъ, воспиталъ ее въ правилахъ Лютеранской церкви, но грамотѣ не научилъ. Достигши 17-лѣтняго возраста, Марта, съ согласія Глюка, была помолвлена, а пожалуй, и успѣла обвѣнчаться съ однимъ Шведскимъ драгуномъ, служившимъ въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ это время къ Маріенбургу подошли Русскія войска и осадили его, подѣ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Когда послѣдній потребовалъ сдачи города, грозя жестокими карами въ противномъ случаѣ, храбрый комендантъ, въ виду незначительности и крѣпости гарнизона, рѣшилъ лучше взорваться, чѣмъ сдаться. Онъ тайкомъ сообщилъ о своемъ намѣреніи пастору Глюку, совѣтуя ему поскорѣе покинуть городъ вмѣстѣ съ своими прихожанами. Послѣдній такъ и сдѣлалъ: отправился съ семьей и мирными жителями въ Русскій лагерь, держа въ рукахъ Славянскую библію и полагаясь на милость побѣдителей. А отчаянный комендантъ поджогъ пороховой складъ и вмѣстѣ съ гарнизономъ взлетѣлъ на воздухъ (1702 г.). Шереметевъ обласкалъ пастора и отправилъ его съ семьей въ Москву, но приглянувшуюся ему Марту оставилъ у себя. Своимъ веселымъ нравомъ, проворствомъ и услужливостью она завоевала общія симпатіи въ Русскомъ лагерѣ. Молодую плѣнницу увидалъ прибывшій въ лагерь царскій любимецъ Меньшиковъ и заставилъ Шереметева ее уступить. Марта недолго оставалась и во домѣ Меньшикова, гдѣ она водворила лучшей порядокъ и уютность. Тутъ она обратила на себя благосклонное вниманіе самого царя, который взялъ ее во дворецъ (1703), а потомъ помѣстилъ въ число придворныхъ дѣвицъ своей сестры царевны Натальи. Въ то же время она была перекрещена въ православную вѣру и получила имя Екатерины, по отчеству Алексѣевны. Любопытно, что сіе отчество произошло отъ имени юнаго царевича Алексѣя, который былъ записанъ ея крестнымъ отцомъ. Вмѣстѣ съ Екатериной въ Преображенскомъ, при дворѣ царевны Натальи, угождавшей брату, находились и другія фаворитки Петра, а именно: двѣ сестры Александра Меньшикова, Марья и Анна, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, и Анисья Кириловна Толстая. Сохранились нѣкоторыя ихъ коллективныя письма къ царю; напримѣръ, поздравленіе „дорогого капитана“ со взятіемъ Митавскаго замка въ Октябрѣ 1705 года. Тутъ подписалось пять подругъ, въ ихъ числѣ и „Катерина сама-третья“; а въ концѣ письма прибавлено: „Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ“. Оказывается, что въ 1705 году у Екатерины были отъ Петра уже двое сыновей-малютокъ (они жили недолго). Около того времени Петръ покончилъ съ Анною Монсъ, когда Меньшиковъ пред-

ставилъ ему доказательства, что она влюбилась въ Прусскаго посланника Кейзерлинга, который поэтому предложилъ ей свою руку и сердце. Петръ соизволилъ на этотъ бракъ, но приказалъ отобрать подаренныя ей помѣстья и его портретъ, осыпанный брилліантами.

Екатерина Алексѣевна постепенно взяла верхъ надъ своими выше-названными подругами въ царскомъ расположеніи, которое все болѣе и болѣе обращалось въ глубокую сердечную привязанность. Послѣ Анны Монсъ, наиболѣе опасной ея соперницей среди этихъ подругъ являлась одна изъ сестеръ Арсеньевыхъ, именно Дарья Михайловна... Но въ 1706 году Меньшиковъ, непосредственный участникъ царскихъ развлеченій въ этомъ женскомъ обществѣ, вступилъ въ бракъ съ Дарьей Арсеньевой, конечно исполняя царскую волю. Съ выходомъ замужъ Монсъ и Дарьи значеніе Екатерины возросло и упрочилось. Постепенно она становится не только сожительницей Петра, но и его спутницей въ походахъ и путешествіяхъ. Естественнo, что царевичъ Алексѣй при своихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ отцомъ началъ прибѣгать къ покровительству и заступничеству своей крестной дочери. О томъ свидѣтельствуютъ нѣсколько сохранившихся его къ ней писемъ изъ эпохи 1708—1711 гг. Екатерина, повидимому, нерѣдко оказывала ему услуги въ этомъ отношеніи.

Въ Февралѣ 1711 года Петръ рѣшилъ закрѣпить свою сердечную привязанность церковнымъ бракомъ *). Но только весной, незадолго до Прутскаго похода, онъ всенародно объявилъ ее своей законной супругой. Короткимъ письмомъ изъ Брауншвейга, отъ 7 Мая сего года, царевичъ (тогда еще женихъ принцессы Шарлотты) поздравляетъ Екатерину съ такимъ радостнымъ событіемъ и проситъ держать его „въ прежней милости“. Съ явнымъ оттѣнкомъ грусти онъ прибавляетъ, что государя-батюшку поздравить не смѣетъ, ибо письменнаго увѣдомленія отъ него не имѣетъ, а только знаетъ о событіи по слуху. Вскорѣ потомъ въ письмахъ своихъ, вмѣсто обычнаго „мадамъ“, онъ уже именуетъ мачиху „Милостивая моя государыня матушка“. Изъ Прутскаго похода Екатерина возвратилась, пріобрѣвъ славу спасительницы царя и арміи отъ величайшей опасности. Извѣстные рассказы о ея находчивости и подкупѣ великаго визиря своими драгоценностями имѣютъ легендарный характеръ; но достовѣрно то, что въ критическую минуту она поддержала духъ и энергію своего царственнаго супруга, за что онъ потомъ выражалъ ей особую благодарность.

*) Покойный И. М. Снегиревъ показывалъ мнѣ гравюру (въ малую четверть листа) съ изображеніемъ этого бракосочетанія. По бокамъ родителей стоятъ двѣ дѣвочки, и на каждой вѣнецъ. П. Б.

Наружно Екатерина относилась благосклонно къ браку царевича съ иностранной принцессой, и онъ попрежнему посылаетъ ей краткія о себѣ извѣстія, точнѣе донесенія. Но въ ея отношеніяхъ къ Алексѣю и его супругѣ теперь явно сквозитъ какая-то холодность или натянутость. Екатерина уже подарила Петру пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ къ данному времени оставались въ живыхъ только Анна и Елисавета. Но царица естественно не теряла надежды имѣть еще и сына. Въ качествѣ уже законной и притомъ страстно любимой супруги, она могла мечтать о томъ, чтобы на него перенести право престолонаслѣдія, лишивъ этого права нелюбимаго Петромъ Алексѣя. Такою затаенною мечтою объясняется многое въ дальнѣйшей судьбѣ ея пасынка.

Еще не исполнился медовый мѣсяцъ новобрачныхъ, еще не успѣли они освоиться и привыкнуть другъ къ другу, какъ царевичъ получилъ отцовскій приказъ ѣхать въ Польскій городъ Торунь и заниматься тамъ изготовленіемъ провіанта для Русской арміи, двигавшейся къ Штетину; ибо одинъ изъ главныхъ театровъ войны со Шведами Петръ перенесъ въ Померанію, гдѣ дѣйствовали совокупно со своими союзниками. Недѣль черезъ пять Шарлотта пріѣхала къ мужу въ Торунь. Тутъ пришлось имъ побыть вмѣстѣ около четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ они терпѣли нужду въ деньгахъ, такъ какъ жили на свой счетъ; а суммы, назначенныя царемъ на содержаніе принцессы и ея двора, не только были недостаточны, но и получались очень туго. Шарлотта со слезами жаловалась на то Меньшикову, который привезъ царевичу приказъ Петра ѣхать въ Померанію и состоять въ Русскомъ войскѣ, осаждавшемъ Штетинъ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго. Меньшиковъ далъ принцессѣ взаймы 5000 рублей, и она, разставшись съ мужемъ, поселилась въ городкѣ Эльбингѣ.

Царь и царица, остановясь проѣздомъ въ этомъ городкѣ, облакали Шарлотту, о чемъ она радостно сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Если вѣрять симъ письмамъ, Екатерина даже отнеслась къ ней съ материнской нѣжностію и передала ей замѣчаніе своего царственного супруга о томъ, что Алексѣй не стѣнитъ такой хорошей жены. Но изъ сего лестнаго для нея отзыва принцесса съ грустью заключила, что царь не любитъ царевича и просила царицу быть его заступницей передъ отцомъ. Та обѣщала. Вообще изъ переписки съ родными видно, что принцесса доселѣ была довольна отношеніемъ къ ней мужа и считала себя счастливой. Но изъ того же источника мы узнаемъ, что уже во время пребыванія молодой четы въ Торунѣ начались и семейныя размолвки. Поводомъ къ нимъ послужило случав-

шееса иногда участіе Алексѣя въ ночныхъ попойкахъ, послѣ которыхъ онъ возвращался домой только въ 3—4 часа утра, чѣмъ немало слезъ причинялъ своей женѣ.

Во время стоянки передъ Штеиномъ, въ Русскомъ лагерѣ тоже нерѣдки были попойки, въ которыхъ участвовалъ Алексѣй Петровичъ, поощряемый къ тому своимъ злымъ гениемъ, т.-е. Меньшиковымъ. Шарлотта, со словъ князя Голицына, описываетъ роднымъ одно крупное столкновение, при которомъ Алексѣй горячо защищалъ свою жену отъ нападковъ Меньшикова. Послѣдній устроилъ у себя пиръ для Алексѣя и высшихъ офицеровъ своего отряда. Тутъ свѣтлѣйшій позволилъ себѣ неблагоприятные отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ, состоявшихъ при супругѣ царевича и нехорошо на нее вліявшихъ. Послѣдній возразилъ, что не боится никакого дурного вліянія, ибо жена его владѣетъ твердымъ характеромъ. А Меньшиковъ на это замѣтилъ, что она тщеславна. Царевичъ вспыхнулъ и потребовалъ не забывать разстоянія, ихъ раздѣлявшаго. Свѣтлѣйшій совѣтовалъ оставить рѣзкій тонъ и напомнилъ, что онъ его воспитатель. Алексѣй громко разсмѣялся и замѣтилъ, что теперь онъ уже не воспитанникъ и заботится самъ о себѣ. Въ дальнѣйшемъ спорѣ Меньшиковъ назвалъ принцессу надменной Нѣмкой, напыщенной своимъ родствомъ съ императоромъ, и сталъ увѣрять царевича, что жена его совсѣмъ не любить. Тотъ съ жаромъ началъ доказывать, что напротивъ она его очень любитъ и что онъ никому не позволитъ порицать его жену. Затѣмъ онъ пригласилъ присутствующихъ офицеровъ выпить за здоровье престолонаслѣдницы, что они охотно исполнили. А князь Меньшиковъ замолчалъ и всталъ изъ-за стола съ сердитымъ лицомъ. Но пріятели князя говорили потомъ, будто бы онъ затѣялъ этотъ споръ съ добрымъ намѣреніемъ: чтобы обнаружилась любовь царевича къ своей супругѣ. Довольная симъ случаемъ, принцесса и эту версію передаетъ роднымъ съ удовольствіемъ и готова ей вѣрить.

Въ данную эпоху, т.-е. въ 1712 году, письма принцессы къ роднымъ исполнены нѣжности въ отношеніи супруга. Она сообщаетъ, что Петръ требуетъ отъ Алексѣя не уклоняться ни отъ какихъ военныхъ опасностей, и что она трепещетъ за его жизнь, въ виду предполагавшейся высадки Русскихъ на островъ Рюгенъ и возможной жестокой битвы со Шведскимъ флотомъ. Но уже въ концѣ года видимъ другое настроеніе. 26-го Ноября она пишетъ, что положеніе ея ужасно, что мужъ совсѣмъ не любитъ ея, что Екатерина ее ненавидитъ и старается вредить ей, что въ глазахъ Русскихъ всѣ Лютеране уподобляются чертямъ. Доходя до отчаянія, принцесса самовольно уѣзжаетъ изъ

Эльбинга къ роднымъ въ Вольфенбюттель. Поэтому, когда въ слѣдующемъ Декабрѣ мѣсяцѣ царевичъ, по волѣ царя, вмѣстѣ съ царицей-мачихой отправился въ Петербургъ и заѣхалъ въ Эльбингъ, онъ уже не засталъ тамъ Шарлотту.

Отсутствіе царевича изъ Россіи и пребываніе его за границей продолжались почти три года и естественно породили немалые толки и опасенія среди Русскихъ людей, несочувственно относившихся къ беспощадной реформаторской дѣятельности его отца и къ безконечной его войнѣ со Шведами. Ихъ настроеніе отразилось между прочимъ въ проповѣди или „казаньѣ“ блюстителя патріаршаго престола Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, которое онъ произнесъ великимъ постомъ 1712 г. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ послѣ литургии. Тутъ онъ громилъ нехраненіе заповѣдей Господнихъ, за что Богъ не даетъ Россіи вождельнаго мира и посѣщаетъ ее разными бѣдствіями; говорилъ противъ клеветниковъ-назирателей (фискаловъ), поставленныхъ выше судей, а въ заключеніе обратился съ молитвою къ св. Алексѣю, чтобы онъ направилъ и защитилъ своего „тезоименника, нашу едину надежду“ отъ всякаго зла и помогъ бы ему, скитающемуся по чужимъ домамъ, вскорѣ и благополучно воротиться на родину. Нѣкоторые сенаторы, присутствовавшіе на семъ казаньѣ, на другой день, пришедъ къ Стефану, начали укорять его, будто онъ возмущаетъ народъ, дерзословно касается царской чести, и грозили донести о томъ царю. Митрополитъ послалъ Петру свое казанье вмѣстѣ съ оправданіемъ, въ которомъ увѣрялъ, что не имѣлъ никакого зла и въ помысленіи, и просилъ разрѣшенія посхимиться въ Донскомъ монастырѣ. Петръ сдѣлалъ нѣкоторыя помѣтки на проповѣди, но не придавалъ ей большого значенія и не рѣшился подвергнуть какому-либо наказанію почтеннаго архипастыря.

Послѣ своего долгаго заграничнаго пребыванія и ученія царевичъ воротился на родину человѣкомъ несомнѣнно до нѣкоторой степени европейски образованнымъ. Но его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, вообще привычки, чувства, убѣжденія остались прежнія. А главнымъ преобладающимъ чувствомъ былъ все тотъ же рабскій страхъ и трепеть передъ грознымъ отцомъ, которые заставляли лгать и изворачиваться для того, чтобы не подвергнуться его гнѣву и побоямъ. Петръ довольно милостиво встрѣтилъ сына, воротившагося изъ чужихъ краевъ, и между прочимъ велѣлъ показать какіе-то учебные чертежи. Сынъ, опасаясь, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ и тѣмъ обнаружить его неумѣніе, зарядилъ пистолеть и лѣвой рукой выстрѣлилъ въ правую ладонь. Пулька пролетѣла мимо, и только по-

рохомъ сильно опалило руку. Отецъ увидалъ опаленное мѣсто и спрашивалъ о причинѣ. Сынъ что-то ему солгалъ. Случай весьма характерный для ихъ взаимныхъ отношеній.

Только въ Маѣ 1713 года кронпринцесса Шарлотта со своей Нѣмецкой свитой, предводимой барономъ Левенвольдомъ, прибыла въ Петербургъ, гдѣ ей устроена была торжественная встрѣча. На Красномъ Кабачкѣ встрѣтили ее сенаторы съ кн. Я. Ѳ. Долгорукимъ во главѣ. Черезъ Неву перевезли ее на другую сторону въ сопровожденіи нѣкоторыхъ вельможъ въ шляпкѣ, разукрашенной краснымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ. На правомъ берегу приняли ее другіе вельможи, тоже разодѣтые въ золото и бархатъ. Недалеко отъ дворца ожидала ее царица, окруженная придворными дамами. Принцесса хотѣла поцѣловать ее въ платье, но та не допустила и приняла въ свои объятія, послѣ чего провела въ приготовленное и роскошно убранное помѣщеніе. Но супруга своего она здѣсь не застала. Царь незадолго передъ тѣмъ, взявъ съ собою царевича, пошелъ съ флотомъ на Або, а кавалерію послалъ берегомъ. Хотя, мѣсяць спустя, Алексѣй вернулся изъ похода и свидѣлся съ женой, но вскорѣ былъ снова отправленъ отцомъ въ Ладугу и Старую Русу, чтобы надзирать за рубкой и сборомъ дубоваго лѣса для кораблестроенія. Нельзя не обратить вниманія на то, что Петръ, какъ бы побуждаемый какимъ-то злымъ геніемъ, не давалъ сыну подольше побыть съ женою и поболѣе съ нею свыкнуться.

Не ранѣ Августа воротился царевичъ въ Петербургъ и зажилъ съ женою въ особомъ дворцѣ, построенномъ для нихъ у Скорбященской церкви на лѣвомъ берегу Невы, по сосѣдству съ домами царевны Натальи Алексѣевны и царицы Марѣи Матвѣевны (вдовы царя Ѳедора Алексѣевича).

Первое время своего Петербургскаго сожительства съ мужемъ принцесса писала роднымъ, что онъ очень ее любитъ, а она отвѣчаетъ ему тѣмъ же и что онъ выходитъ изъ себя, когда ей причиняютъ хотя бы малѣйшую непріятность. А непріятности сдѣлались нерѣдки, во-первыхъ, со стороны его сосѣдки и тетки Натальи Алексѣевны, а во-вторыхъ, со стороны самой царицы Екатерины. Послѣдняя съ неудовольствіемъ узнала о беременности принцессы; при своихъ частыхъ родахъ, она страшилась за своихъ дѣтей, когда ихъ участь впоследствии окажется въ рукахъ Алексѣя и его супруги, которыхъ теперь держали почти-что въ черномъ тѣлѣ. Такъ, скромныя суммы, ассигнованныя на ихъ содержаніе, задерживались или выда-

вались не сполна; а потому они терпѣли постоянную нужду въ деньгахъ. Царевичъ имѣлъ въ своемъ личномъ владѣніи нѣкоторое количество сель, деревень и земельныхъ угодій, самъ занимался хозяйствомъ и требовалъ точныхъ отчетовъ отъ управителей своихъ имѣній; однако доходовъ съ нихъ не хватало на покрытіе расходовъ. Выходя замужъ, Шарлотта, съ согласія Алексѣя, отказалась въ пользу матери отъ части своего скромнаго приданаго (простиравшаго только до 20.000 талеровъ). Но теперь, когда она напоминала ему объ этомъ согласіи, онъ не хотѣлъ о немъ помнить. На почвѣ сихъ матеріальныхъ расчетовъ между супругами возникли неизбѣжныя пререканія. А между тѣмъ немалыя средства требовались на содержаніе ихъ двора. При Алексѣѣ попрежнему состояли его бывшіе воспитатели баронъ Гизень и Никифоръ Вяземскій, а затѣмъ порядочное количество камердинеровъ и служителей, каковы: Богдановъ, Аванасьевъ, Эверлаковъ, Носовъ и др. Гораздо пышнѣе и многочисленнѣе былъ придворный штатъ его супруги Шарлотты, и притомъ штатъ чисто Нѣмецкій, устроенный по Германскимъ образцамъ. Во главѣ дамскаго отдѣленія находились принцесса Остѣ-Фрисландская и гофмейстрина де-Сантальеръ; а во главѣ мужского камергеръ Биберштейнъ; къ тому же штату причислялся пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ принцессы гофмейстеръ баронъ Левенвольдъ; далѣе слѣдовали нѣсколько камерюнкеровъ, два Нѣмецкихъ врача, секретарь Кильверъ и Лютеранскій пасторъ Миллеръ.

Само собою разумѣется, Нѣмецкій и Лютеранскій характеръ престолонаслѣдницы и ея придворнаго штата отнюдь не были пріятны Русскому народу, и прежде всего самому Алексѣю Петровичу. Отношенія между супругами становились все холоднѣе, взаимныя упреки и ссоры все чаще. Шарлотта жаловалась на терпимыя ею огорченія (повидимому, въ особенности отъ Натальи Алексѣевны, Екатерины и Меньшикова) и требовала, чтобы мужъ шелъ къ своей теткѣ Натальѣ для объясненій. Тотъ отказывался. А когда она упрекала его тѣмъ, что въ Германіи ни одинъ сапожникъ и портной никому не позволяютъ дурно обращаться съ его женою, и напоминала ему данныя обѣщанія и клятвы, царевичъ отрицался отъ нихъ; говорилъ, что она находится теперь въ Россіи, и если недовольна тѣмъ, что имѣетъ, то пусть убирается назадъ въ свою Германію. Принцесса въ это время писала матери, что болѣе не можетъ скрывать истинный характеръ своего мужа и что она очень несчастна.

Взаимныя отношенія еще болѣе обострялись усилившейся привычкою царевича къ вину, вслѣдствіе чего происходили крайне пе-

чальныя сцены. Такъ, однажды онъ воротился изъ гостей совѣмъ пьяный и отправился на половину жены. Отъ нея вскорѣ пришелъ къ себѣ въ спальню и гнѣвно сталъ говорить своему камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву: „Вотъ Гаврила Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали; какъ къ ней ни приду, все сердитуется и не хочетъ со мною говорить; развѣ умру, то ему не отплачу; а сыну его Александру и Трубецкому быть на колѣ: они къ батюшкѣ писали, чтобы на ней жениться“. Слуга замѣтилъ, что худо, если узнаютъ о такихъ его неосторожныхъ словахъ, и не только они, пожалуй, и другіе перестанутъ къ нему ѣздить.

„Плюну на нихъ, молвилъ на это царевичъ, мнѣ бы здорова была чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а тѣ прихожанамъ“ и т. д. Слуга смутился, слыша такія опасныя рѣчи, и молчалъ. Царевичъ посмотрѣлъ на него и пошелъ молиться въ крестовую или образную комнату. А по утру, призвавъ Аѳанасьева, спрашивалъ о себѣ, не говорилъ ли вчера напрасныхъ словъ; узнавъ, что говорилъ, тужилъ о томъ и просилъ слугу никому этихъ словъ не передавать.

Привычка къ неумѣренному винопитію крайне вредно отзвѣдалась на его здоровьѣ. Алексѣй сталъ очень хворать, и у него заподозрили чахотку. Врачи посоветовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Царь далъ свое согласіе. Отчужденіе супруговъ было уже такъ велико, что царевичъ (если вѣрить иностранному извѣстію) до послѣдняго дня таилъ отъ жены свой близкій отъѣздъ и будто бы объявилъ о немъ только тогда, когда былъ уже поданъ дорожный экипажъ. А затѣмъ во время своего полугодового отсутствія ни разу не писалъ своей супругѣ и не отвѣчалъ на ея письма. Пользуясь водами, онъ однако не терялъ времени даромъ, а пристально читалъ творенія Баронія и дѣлалъ изъ него выписки тѣхъ мѣстъ, которыя казались ему любопытны, въ особенности тѣхъ, которыя имѣли хотя бы неблизкое отношеніе къ его современности. Напримѣръ: „Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ *), и похвала долгому, а короткому сопротивное“. „Иустиніанъ будто писалъ къ женѣ, что онъ—глава всѣмъ (не весьма правда); а хотя бы и писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе“. „Хильперикъ Французскій король убитъ для отъему отъ церкви имѣнія“ и т. п.

*) Т.-е. запрещалъ. П. Б.

IV.

Дѣти, потеря жены и близость развязки.

Продолжительное отсутствіе царевича и Нѣмецкое окруженіе его супруги породили при дворѣ какіе-то неблагопріятные толки насчетъ ея беременности. Подъ вліяніемъ сихъ толковъ Петръ распорядился быть безотлучно при Шарлоттѣ до ея разрѣшенія отъ бремени тремъ Русскимъ боярынямъ: женѣ канцлера графа Головкина, женѣ генерала Брюса и Ржевской, которую царь прозвалъ „князь-игуменьей“. Въ письмѣ къ кронпринцессѣ царь объяснялъ эту мѣру предупрежденіемъ кривыхъ толковъ или „необузданныхъ языковъ“, которые, повидимому, намекали на какую-то фальшь, возможную въ предстоящихъ родахъ. Шарлотта въ письмахъ къ Петру и Екатеринѣ высказала большое огорченіе по поводу такого къ ней недовѣрія и просила только оставить при ней повивальную бабку, привезенную изъ Германіи.

12 Іюля она произвела на свѣтъ дочь, которой дала имя Наталіи, очевидно, въ честь царевны Наталіи Алексѣевны, которую просила быть крестной матерью новорожденной. Судя по ласковому письму, которымъ Петръ поздравилъ свою невѣстку съ благополучнымъ разрѣшеніемъ, можно догадываться, что онъ и Екатерина были довольны именно рожденіемъ внучки, а не внука. А потому, ободренная симъ письмомъ кронпринцесса едва ли доставила имъ удовольствіе тѣмъ, что въ своемъ отвѣтѣ шутя выразила надежду подарить царю также и внука, т.-е. будущаго престолонаслѣдника.

Въ Декабрѣ 1714 года АлексѢй воротился въ Петербургъ. Первые дни по приѣздѣ онъ былъ ласковъ съ принцессою. Но эти дни скоро миновали; царевичъ постепенно воротился къ своему обычному образу жизни, и его все рѣже видали подлѣ жены. Къ вящему ея отчаянію въ это время онъ полюбилъ молодую Чухонку, бывшую крѣпостной дѣвушкой его учителя Никифора Вяземскаго, по имени Евфросинья Ѳедорову, которую взялъ къ себѣ и съ которой не разставался. (Судя по тому, что братъ ея Иванъ Ѳедоровъ, крѣпостной Вяземскаго, отпущенный на волю, называется въ одномъ документѣ „полоннымъ“ челоуѣкомъ, Евфросинья могла быть, подобно Екатеринѣ, полонянкою изъ Лифляндіи). Теперь онъ такъ мало заботился о своей женѣ и своемъ домѣ, что, между прочимъ, не обращалъ вниманіе на ея просьбы исправить ея спальню, въ которую протекалъ дождь. А когда царь сдѣлалъ по сему поводу рѣзкій выговоръ, онъ упрекалъ жену въ попыткѣ подвести его подъ отцовскій гнѣвъ.

Между тѣмъ поправившееся за границей здоровье царевича стало вновь разстраиваться отъ злоупотребленія крѣпкими напитками. По обыкновенію строго соблюдая великій постъ въ отношеніи пищи, онъ въ тоже время ежедневно и неумѣренно пилъ водку.

При подобныхъ условіяхъ онъ дошелъ до такого состоянія, что однажды (въ Апрѣль 1715 года) въ церкви лишился чувствъ и такъ сильно заболѣлъ, что его не рѣшились везти домой черезъ Неву, а на ночь положили въ домъ одного иностранца. На слѣдующій день онъ все еще былъ очень слабъ; кронпринцесса явилась къ больному мужу и два дня ухаживала за нимъ, пока его можно было переправить домой. Въ это время она была уже вторично беременна. Судя по письмамъ къ роднымъ, одно только утѣшало Шарлотту въ ея горестяхъ, что мужъ очень любилъ и ласкалъ малютку Наташу. Онъ уносилъ ее къ себѣ въ комнату, укачивалъ на своихъ рукахъ и всѣхъ спрашивалъ, видали ль гдѣ ребенка красивѣе его дочери.

Вторая беременность кронпринцессы не обошлась безъ несчастнаго случая. Однажды, всходя на лѣстницу, она упала и ушибла себѣ лѣвую сторону, послѣ чего чувствовала постоянную боль, особенно въ лѣвомъ боку, несмотря на мѣры, принятія врачами. 12 Октября она благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который въ честь дѣда былъ названъ Петромъ. Дѣдъ вмѣстѣ со своей любимой сестрой Натальей былъ его воспріемникомъ отъ купели. Первые дни родильница чувствовала себя недурно и сама начала кормить новорожденнаго. Но затѣмъ состояніе ея ухудшилось, а на девятый день было уже такъ плохо, что созвали консиліумъ, на который царь прислалъ своихъ лейбъ-медиковъ Арескина, Блументроста, Поликала и другихъ, вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ. Самъ онъ былъ тогда очень нездоровъ и не выходилъ изъ комнаты. Екатерина также не могла прибыть, ибо сама ожидала разрѣшенія отъ бремени. Консиліумъ нашелъ родильницу въ безнадежномъ положеніи. Слѣдующимъ утромъ, 21 Октября, Шарлотта, сознавая это положеніе, призвала свое довѣренное лицо барона Левенвольда и сдѣлала послѣднія распоряженія. Главное ея желаніе состояло въ томъ, чтобы воспитаніе ея дѣтей было поручено ея другу принцессѣ Остѣ-Фрисландской, если на сіе будетъ соизволеніе государя; въ противномъ случаѣ просила Левенвольда лично отвезти принцессу на родину. Въ заключеніе просила передать ихъ величествамъ свою благодарность за всѣ ихъ благодѣянія. Въ тотъ же день Петръ, по просьбѣ умирающей, посѣтилъ ее, несмотря на свое нездоровье; она была еще настолько въ памяти, что поручала его отеческому попеченію своихъ дѣтей и его милостивому вниманію своихъ

служащихъ. Ночью на 22 Октября 1715 года она скончалась. По словамъ Австрійскаго резидента (Плейера) Алексѣй не отходилъ отъ постели умирающей; а когда она скончалась, нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Потомъ взялъ на руки обонхъ дѣтей и унесъ ихъ къ себѣ въ комнату.

Въ шестой день по кончинѣ совершились торжественныя похороны въ Петропавловскомъ соборѣ. Царь вмѣстѣ съ царевичемъ между рядами гвардіи шелъ за гробомъ, который подъ балдахинномъ несли офицеры. Въ процессіи участвовали царевна Наталья Алексѣевна, царица Прасковья Ѳеодоровна (вдова Іоанна V) со своею свитою и принцесса Остѣ-Фрисландская.

Такъ печально окончилось четырехлѣтнее супружество двухъ существъ, совершенно несозданныхъ другъ для друга, но связанныхъ неразрывными узами по волѣ и династическимъ расчетамъ Русскаго царя-реформатора. Помимо сихъ расчетовъ, онъ надѣялся, что Нѣмецкая принцесса окажетъ культурное вліяніе на его сына, смягчить его грубыя привычки и облагородитъ его строптивый нравъ. Тщетная надежда. Да едва ли благовоспитанная, но сантиментальная и слишкомъ чуждая по своимъ національнымъ интересамъ, религіи и міровоззрѣнію, Нѣмка могла оказать замѣтное и благотворное вліяніе на своего Русскаго супруга вообще, а тѣмъ менѣе въ случайные мѣсяцы, когда они жили вмѣстѣ; ибо самъ отецъ сумѣлъ такъ распорядиться своимъ сыномъ, что послѣдній изъ четырехъ лѣтъ супружества не болѣе половины сего времени провелъ подлѣ жены.

Напрасно Шарлотта въ первые дни послѣ родовъ утѣшалась тѣмъ, что она дала Русскому государству будущаго наследника престола и такимъ образомъ упрочила династію. Петръ, а тѣмъ естественнѣе Екатерина, не обнаружили никакой особой радости по поводу сего престолонаслѣдника. У нихъ въ то время были иные, свои собственные, расчеты, для осуществленія которыхъ кончина кронпринцессы только развязывала имъ руки. Да и сама эта кончина, можетъ-быть, находилась въ связи съ тѣмъ горькимъ разочарованіемъ, которое постигло кронпринцессу, когда она увидала, что новорожденный царевичъ встрѣтилъ сухой, неласковый пріемъ при царскомъ дворѣ и не принесъ съ собою никакого улучшенія въ отношеніяхъ Петра съ Алексѣемъ.

Екатерина и Меншиковъ, втайнѣ работавшіе надъ обостреніемъ сихъ отношеній, всякими наговорами и воздѣйствіями спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ въ смыслѣ устра-

ненія Алексѣя отъ престола. Подстрекаемый ими, великій человѣкъ снизошелъ до явнаго искаженія дѣйствительности и подписалъ своимъ именемъ длинное, многословное и казуистичное письмо, въ которомъ ему принадлежала развѣ только редакція, т.-е. внѣшняя отдѣлка.

Послѣ погребенія Шарлотты придворные чины воротились изъ Петропавловскаго собора въ домъ царевича для обычной поминальной трапезы. И тутъ внезапно, съ напускною торжественностью, въ присутствіи сановниковъ царь вручилъ Алексѣю письмо. Оно было помѣчено 11-мъ Октября, т.-е. кануномъ рожденія внука Петра Алексѣевича, слѣдовательно было написано якобы за 16 дней до его врученія; а послѣднее произошло какъ разъ наканунѣ рожденія сына самой Екатерины. Съ помощью столь явной натяжки царь получилъ возможность обращаться къ Алексѣю какъ бы къ своему единственному сыну.

Письмо озаглавлено: „Объявленіе сыну моему“.

Оно начинается указаніемъ на государственную необходимость войны со Шведами и на сопряженные съ нею наши успѣхи въ военномъ искусствѣ, которое должно составлять главную заботу правителя; а на него глядя и подначальные люди будутъ о томъ же заботиться. Но Алексѣй не показывалъ никакой охоты къ военному дѣлу. Напрасно онъ отговаривался слабостью своего здоровья. Богъ не лишилъ его разума, не совсѣмъ отнялъ и крѣпость тѣлесную. Но онъ исполненъ злого и упрямаго нрава, за который отецъ его не только бранивалъ, но и бивалъ, и сколько лѣтъ уже не говорить съ нимъ, и все напрасно: ему бы только сидѣть дома и ничего не дѣлать. А потому отецъ подождетъ еще немного, и, если сынъ не исправится, то лишитъ его наслѣдства, и пусть не думаетъ, что онъ у него одинъ сынъ. Если царь за отечество живота своего не жалѣлъ, то пожалѣетъ ли „непотребнаго“ сына? „Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный“.

Исправся, иначе лишу тебя престолонаслѣдія — вотъ смыслъ письма. Но въ чемъ и какъ исправиться? Въ небрежномъ воспитаніи царевича и въ его сиротствѣ болѣе всѣхъ виновать самъ Петръ; къ военному дѣлу его не приучалъ какъ слѣдуетъ и въ походы бралъ съ собой рѣдко, а занималъ болѣе порученіями по части военнаго снаряженія и продовольствія, которыя сынъ исполнялъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Никакою воинскою частью онъ не командовалъ, и отецъ какъ бы умышленно отстранялъ его отъ такого командованія. Семейную жизнь устроилъ ему несогласную съ его чувствами и наклон-

ностями. Вредную привычку къ винопитію привилъ собственнымъ примѣромъ; а Меньшиковъ постарался ее развить; потому-то, вѣроятно, о семь порокахъ письмо совершенно умалчиваетъ. Непомѣрною строгостью, побоями и явною холодною оттолкнулъ его отъ себя, запугалъ и въ конецъ испортилъ его характеръ, сдѣлавшійся оттого скрытнымъ, лицемернымъ, робкимъ и, пожалуй, недобрымъ. А будто бы отецъ уже нѣсколько лѣтъ съ нимъ не говорилъ, надо замѣнить словами: мало говорилъ; слѣдовательно совсѣмъ не старался своевременно его наставлять и руководить. Природа не обидѣла Алексѣя Петровича умомъ и способностями; при иныхъ условіяхъ юности изъ него могъ выдти достойный преемникъ своему гениальному отцу. Но именно этотъ отецъ и создалъ ему самыя несчастныя условія, а теперь какъ бы вошелъ въ заговоръ со своими приближенными людьми, чтобы окончательно погубить собственного сына.

На слѣдующій же день послѣ врученія письма Екатерина родила сына, которому дано было, такъ же какъ и сыну Алексѣя, имя Петра. Этотъ слѣдующій день тоже возбуждаетъ вопросъ, былъ ли объявленъ дѣйствительный моментъ рожденія? Или Петръ и Екатерина почему-либо надѣялись, что на сей разъ родится не дочь, а сынъ.

Какъ громомъ былъ пораженъ отцовскимъ письмомъ царевичъ; рожденіе брата смутило его еще болѣе. Онъ сталъ совѣтоваться со своими довѣренными лицами. Въ эту Петербургскую эпоху его жизни наиболѣе довѣреннымъ у него лицомъ былъ Александръ Кикинъ, незадолго попавшій въ опалу, но прощенный царемъ по ходатайству Екатерины и теперь состоявшій на службѣ при сестрѣ государя царевнѣ Марѣ Алексѣевнѣ. Другимъ благопріятелемъ Алексѣя является князь Василій Владимировичъ Долгорукій. Третьимъ близкимъ лицомъ—старый его учитель Никифоръ Вяземскій. Всѣ они болѣе или менѣе совѣтовали полное смиреніе предъ волею отца и письменное отреченіе отъ престолонаслѣдія.

„Давай писемъ хоть тысячу, говорилъ князь Долгорукій, вѣдь это не запись съ неустойкою, какъ мы (бояре) прежь сего межъ себя даывали“. Алексѣй просилъ кн. Долгорукаго и графа Федора Матвѣевича Апраксина ходатайствовать передъ царемъ, чтобы тотъ дозволилъ ему спокойно проживать въ своихъ имѣніяхъ. Несчастный думалъ, что отцу нужно только его отреченіе отъ престолонаслѣдія. Въ этомъ смыслѣ онъ, спустя три дня послѣ погребенія жены, подалъ отцу челобитную, въ которой ссылаясь на свою „непотребность“ и слабость, умственную и тѣлесную, а потому отрекался отъ наслѣдія,

и тѣмъ болѣе, что у него, слава Богу, уже есть братъ. Дѣтей своихъ вручалъ въ царскую волю, а себѣ просилъ только пожизненнаго пропитанія. Близкій къ Петру князь Василій Владимировичъ Долгорукій увѣдомилъ Алексѣя, что имѣлъ разговоръ съ царемъ объ отвѣтномъ письмѣ и будто бы тотъ остался имъ доволенъ. Однако князь прибавилъ, что на сей разъ ему удалось спасти царевича: „Я тебя у отца съ плахи снялъ“, загадочно говорилъ Долгорукій.

Послѣ того нѣкоторое время царь какъ бы оставлялъ Алексѣя въ покоѣ. Очевидно онъ раздумывалъ, колебался и не принималъ еще окончательнаго рѣшенія. Въ Ноябрь, послѣ слишкомъ усерднаго служенія Бахусу на именинахъ адмирала Апраксина, Петръ такъ опасно заболѣлъ, что 2 Декабря причастился святыхъ таинъ. Министры и сенаторы не отлучались и ночевали во дворцѣ. Но Кикинъ дошелъ до такой подозрительности, что не вѣрилъ въ серьезную болѣзнь и внушалъ царевичу, будто отецъ притворяется, т.-е. преувеличиваетъ опасность. Разумѣется, такое притворство приписывалось намѣренію узнать, какъ будутъ вести себя сынъ и его приверженцы въ виду близкой кончины отца. Какъ бы то ни было, царь оправился и на Рождественскій праздникъ вышелъ въ церковь.

19 Января слѣдующаго 1716 года, Петръ вручилъ сыну второе еще болѣе грозное посланіе, озаглавленное „Послѣднее напominаніе еще“. Тутъ онъ изъявляетъ неудовольствіе на неудовлетворительный отвѣтъ сына, который ссылается только на свою тѣлесную слабость, а молчитъ о своей неохотѣ. Клятвѣ его вѣрить нельзя; да если бы и захотѣлъ ее хранить, „то возмогутъ склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются“. Затѣмъ идутъ опять упреки, что сынъ не помогаетъ въ печаляхъ и трудахъ отцу, не жалѣющему для народа своего здоровья, и послѣ него, конечно, будетъ „разорителемъ“ его дѣль. Нельзя оставаться „ни рыбою, ни мясомъ“. Или пусть измѣнитъ свой нравъ и будетъ достойнымъ наслѣдникомъ, или да будетъ монахъ. Въ заключеніе царь требовалъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта; въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ сыномъ, „какъ съ злодѣемъ“. Все тѣ же неуловимыя казуистическія требованія; но теперь, по крайней мѣрѣ, ясно высказывалось намѣреніе царя запереть сына въ монастырь и тѣмъ отрѣзать ему путь къ наслѣдію престола. Приверженцы Алексѣя и особенно Кикинъ внушали ему, что „вѣдь клобукъ не гвоздемъ прибить къ головѣ“ и что духовенство („большія бороды“, по выраженію Петра) можетъ впослѣдствіи разрѣшить его отъ монашескихъ обѣтовъ; только надо своевременно предупредить своего

духовника и старшаго архіерея, что постриженіе это невольное. Внушали, что монастырь даже представляетъ безопасное убѣжище, въ которомъ можно укрыться до поры до времени.

Алексѣй на другой же день отвѣтилъ короткой запиской, въ которой изъявилъ желаніе монашескаго чина и просилъ „о семъ милостиваго позволенія“. Краткость письма оправдывалъ своею болѣзнію. Покорность сына и готовность исполнить отцовскую волю ставили Петра въ нѣкоторое затрудненіе относительно вопроса, какъ поступить, и тѣмъ болѣе, что въ это время царь собрался во второе свое большое путешествіе за границу. Передъ отъѣздомъ онъ навѣстилъ Алексѣя, лежавшаго въ постели подъ предлогомъ болѣзни, и спрашивалъ объ его „резолуціи“. Царевичъ клялся, что желаетъ постричься. Но постриженіе, повидимому, не удовлетворяло ни царя, ни его подстрекателей, т.-е. Екатерину и Меншикова. Онъ милостиво далъ сыну полугодовой срокъ, чтобы тотъ могъ еще подумать и затѣмъ написать о своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Любопытно, что во всѣхъ этихъ переговорахъ отца съ сыномъ не было и помину о новорожденномъ внукѣ, какъ будущемъ возможномъ наслѣдникѣ Русскаго престола. Ясно было, что и сынъ и внукъ устранялись, чтобы перенести наслѣдіе на другого сына, только что рожденнаго отъ второго брака, т.-е. на Петра Петровича. Конечно, въ непосредственной связи съ симъ намѣреніемъ, 15-го Ноября 1715 года изданъ былъ царскій указъ, который всякому отцу предоставлялъ право назначать себѣ наслѣдникомъ любого изъ сыновей, не взирая на старшинство.

V.

Второе большое заграничное пребываніе Петра.

Это второе продолжительное пребываніе имѣло иной характеръ, чѣмъ первое, ибо происходило при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. При первомъ путешествіи въ Западную Европу Петръ имѣлъ въ виду ознакомиться съ Европейской культурой вообще и самому на практикѣ изучить корабельное дѣло въ частности; политика лично для него стояла тогда на второмъ планѣ. Теперь наоборотъ: на первомъ планѣ имѣлись политическія задачи, вытекавшія изъ Великой Сѣверной войны, которая крайне затянулась и осложнилась. Кромѣ старыхъ своихъ союзниковъ, королей Польскаго и Датскаго, Русскій царь сумѣлъ привлечь къ борьбѣ съ Карломъ XII еще короля Прусскаго и герцога Ганноверскаго, занявшаго королевскій престолъ въ Англіи. Но, съ одной стороны, Швеція продолжала вести упорную

оборону и съ напряженіемъ всѣхъ силъ отстаивать свои владѣнія на восточномъ и южномъ побережьи Балтійскаго моря; а съ другой союзники, преслѣдуя каждый свои особые интересы, дѣйствовали вяло и недружно. Царь задумалъ побудить ихъ къ болѣе единому образу дѣйствія и перенести войну на берега самой Швеціи. Онъ явился къ своимъ союзникамъ въ ореолѣ, которымъ осѣнила его Полтавская побѣда, и въ эпоху полнаго развитія своего могущества. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что именно это могущество и его притязанія на присвоеніе всѣхъ завоеванныхъ имъ отъ Швеціи областей возбуждали нерасположеніе и подозрительность среди союзниковъ. Особенно непріятно для нихъ было его вооруженное вмѣшательство въ дѣла Сѣверной Германіи и пребываніе тамъ Русскихъ войскъ.

Это вмѣшательство нашло себѣ опору еще и въ новыхъ родственныхъ связяхъ. А именно Петръ устроилъ бракъ своей племянницы Екатерины Ивановны съ герцогомъ Меклембургскимъ Карломъ-Леопольдомъ, который развелся съ своей первой женой. Герцогъ терпѣлъ обиды отъ воюющихъ со Шведами союзниковъ, которые не уважали его нейтралитета и разоряли его страну всякими поборами, въ особенности когда предприняли осаду сосѣдняго города Висмара. Кромѣ того онъ находился въ ссорѣ со своимъ непокорнымъ дворянствомъ, которое искало себѣ поддержки у Германскаго императора и обращалось къ нему съ жалобами на своего герцога. Естественно поэтому, что Карлъ-Леопольдъ пожелалъ породниться съ Русскимъ государемъ въ надеждѣ найти себѣ могущественнаго заступника и покровителя.

Во второмъ большомъ путешествіи за границу Петра сопровождала его супруга Екатерина. 18-го Февраля они прибыли въ Данцигъ, округа котораго была занята Русскими войсками подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева. Первымъ распоряженіемъ царя явился штрафъ, наложенный на жителей за ихъ торговля и другія сношенія со Шведами. Затѣмъ окончены были брачныя условія съ Меклембургскимъ герцогомъ; между прочимъ за Екатериной Ивановной герцогъ оставивъ свободное исповѣданіе Греческой вѣры, предоставлялъ Русскимъ войскамъ свободное передвиженіе по своимъ владѣніямъ, давалъ разныя льготы Русскимъ торговцамъ. Царь съ своей стороны обязался подавать герцогу военную помощь противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а въ приданое племянницы обѣщалъ присоединить къ его владѣніямъ городъ Висмаръ, конечно, послѣ его взятія. 8-го Апрѣля совершилось торжественное бракосочетаніе въ томъ же Данцигѣ.

Неудовольствіе союзниковъ на дѣйствія царя, между тѣмъ, выразилось по слѣдующему поводу. Висмаръ сдался на капитуляцію Датскимъ, Прусскимъ и Ганноверскимъ войскамъ прежде, нежели Русское войско, предводимое княземъ Репнинымъ, успѣло принять близкое участіе въ осадѣ. А когда это войско прибыло, союзные генералы не впустили его въ городъ. Царь, озабоченный планомъ общей высадки на южные берега Швеции, т.-е. въ Шонію, не захотѣлъ ссориться съ союзниками, и, напротивъ, постарался войти съ ними въ личное соглашеніе. Для того онъ устроилъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, а съ Датскимъ въ Альтонѣ. Отъ Ганноверскаго курфюрста Георга онъ дипломатическимъ путемъ добивался обѣщанія, чтобы тотъ въ качествѣ Англійскаго короля прислалъ на помощь Англійскую эскадру. Послѣ того Петръ отправился на воды въ Пирмонтъ для поправленія своего здоровья въ виду предстоявшей морской кампаніи. Прошедши на скоро курсъ лѣченія, въ Іюнѣ онъ уже былъ въ Ростокѣ, откуда повелъ свою галерную эскадру съ посаженною на ней Русскою пѣхотой къ Копенгагену; а конница пошла сухимъ путемъ изъ Меклембурга.

Однако всѣ хлопоты Петра о высадкѣ въ Шонію не увѣнчались успѣхомъ по медлительности и нерасположенію союзниковъ. Одно время у береговъ Даніи соединились въ одинъ могучій флотъ четыре эскадры: Русская, Датская, Англійская и даже Голландская, чтобы проводить большой караванъ торговыхъ судовъ до извѣстнаго пункта, для охраны его отъ Шведскихъ пиратовъ. Въ силу своего высокаго положенія, Петръ сталъ во главѣ соединенныхъ эскадръ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*. Нѣсколько дней онъ наслаждался командованіемъ этого великолѣпнаго военнаго флота, состояшаго изъ 80 кораблей.

Дипломатическія интриги продолжались, и за наступленіемъ осени высадка была отложена. Петръ успѣлъ сдѣлать небольшую личную рекогносцировку къ берегамъ Шоніи. Изъ всѣхъ союзниковъ только молодой король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I оказывалъ полную пріязнь и довѣріе Русскому государю, и онъ же зато болѣе другихъ выигралъ отъ этого союза, получивъ значительное приращеніе къ своему королевству изъ Шведской Помераніи. Извѣстна страсть короля къ набору великановъ въ свою гвардію. Петръ подкупилъ его и съ этой стороны; въ разное время онъ подарилъ ему до 250 великорослыхъ солдатъ, взятыхъ изъ Русской арміи.

Въ Октябрѣ 1716 г. царь съ Екатериною воротился изъ Копенгагена въ Меклембургъ; а отсюда одинъ поѣхалъ въ Гавельсбергъ на

свиданіе съ Прусскимъ королемъ. Здѣсь союзъ ихъ былъ утвержденъ новымъ договоромъ, которымъ обѣ стороны обязались взаимною помощью при охраненіи своихъ завоеваній у Швеціи. Изъ Гавельсберга Петръ мимо Гамбурга направился въ любезную ему Голландію. На сей разъ она привлекала его не только своею высоко развитою промышленностью и культурою, а также дорогою памятью о первомъ своемъ путешествіи въ Западную Европу, но и тѣмъ важнымъ международнымъ положеніемъ, которое занимали тогда Голландскіе штаты, благодаря въ особенности своимъ денежнымъ богатствамъ и соединеннымъ съ ними займамъ. Гага служила посредницей и центромъ, куда сходились дипломатическія нити отъ большинства дворовъ сѣверной и средней Европы, т.-е. изъ Германіи, Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи и Австріи. Тамъ можно было вести переговоры о достиженіи и условіяхъ столь желаннаго царю выгоднаго мира со Шведами.

6-го Декабря Петръ прибылъ въ Амстердамъ; вслѣдъ за нимъ пріѣхала большая царская свита, во главѣ которой находились канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Петръ Андр. Толстой и князь Василій Владимір. Долгорукій. Царь отказался отъ приготовленнаго ему Штатами роскошнаго помѣщенія, и сначала расположился въ домъ Русскаго резидента Брандта, а потомъ занялъ квартиру крупнаго Русскаго негоціанта Соловьева *).

Политическія заботы и хлопоты, а также официальные приемы и аудіенціи не мѣшали царю во время его пребыванія въ Амстердамъ часто отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ и развлечениямъ, т.-е. посѣщать корабельныя верфи, заводы, фабрики, мастерскія художниковъ, и съ особымъ удовольствіемъ совершать по окрестнымъ каналамъ прогулки на яхтахъ и другихъ парусныхъ судахъ, при чемъ самому править рулемъ. Онъ также пользовался всякимъ случаемъ повидать тѣхъ людей, которые чѣмъ-либс были ему полезны или просто вели съ нимъ знакомство во время его перваго пребыванія въ Голландіи. Между прочимъ онъ навѣстилъ своего стараго пріятеля бывшаго бургомистра Витсена, теперь старостью и болѣзнями прикованнаго къ постели. Сдѣлалъ онъ особую поѣздку и въ городокъ Заандамъ, гдѣ побывалъ въ домикѣ, служившемъ когда-

*) Этотъ Соловьевъ, изъ простолюдиновъ, былъ дворецкимъ у Меньшикова. Петръ сдѣлалъ его барономъ. Черезъ него велись въ Голландіи наши денежные дѣла. Онъ такъ разбогатѣлъ, что на его дочери женился обѣдильный Голштейнъ-Бекъ, и отъ нея, говорятъ, пошло богатство князей Барятинскихъ. П. Б.

то ему пріютомъ, и обласкалъ своего бывшаго хозяина Геррита Киста *). (Семейное преданіе послѣдняго говоритъ, что царь подарилъ ему серебряный кубокъ). Мѣстные жители замѣтили, что Петръ въ это второе пребываніе въ Голландію уже не показывалъ такого неудовольствія на собиравшуюся поглазѣть на него толпу, какое обнаруживалъ около 20 лѣтъ назадъ. Иногда онъ во весь свой огромный ростъ выпрямлялся на кормѣ судна и какъ бы хотѣлъ сказать любопытнымъ, слѣдовавшимъ за нимъ на лодкахъ: „Ну, можете смотрѣть на меня сколько вамъ угодно“. Тогда какъ окружавшіе его вельможи щеголяли роскошнымъ одѣяніемъ, ярко-красными суконными плащами и огромными париками, самъ Петръ отличался простотою своего костюма: онъ носилъ полукафтаны сѣраго сукна съ широкимъ кожанымъ поясомъ, къ которому былъ пристегнутъ палашъ, а на головѣ черныи короткій парикъ и грубая войлочная шляпа. Блѣдное лицо, со слѣдами недавней болѣзни (о которой ниже), густые черные усы и пронизательный, метавшій искры взоръ невольно приковывали къ нему общее вниманіе.

Между тѣмъ супруга его Екатерина, остававшаяся въ Мекленбургѣ, отправилась къ нему въ Голландію; но, будучи вновь беременна, она должна была ѣхать неспѣшно и осторожно. Вопреки расчетамъ царя устроить роды въ любезномъ ему Амстердамѣ, царица вслѣдствіе тряски и разныхъ дорожныхъ неудобствъ заболѣла и принуждена была остановиться въ городкѣ Везелѣ, въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Здѣсь 2-го Января 1717 года она разрѣшилась сыномъ Павломъ. Получивъ о томъ извѣстіе, обрадованный Петръ тотчасъ послалъ увѣдомленіе правительству Соединенныхъ Штатовъ и просилъ его членовъ быть крестными отцами новорожденнаго царевича; но на слѣдующій день пришла иная вѣсть: о кончинѣ младенца. Царь былъ такъ опечаленъ, что занемогъ лихорадкой и болѣлъ нѣсколько недѣль. Царица успѣла оправиться прежде него и въ началѣ Февраля прибыла въ Амстердамъ, окруженная большою свитою и торжественно привѣтствуемая депутаціями отъ правительства и города. Она могла, наконецъ, удовлетворить своему любопытству, возбужденному похвалами Голландіи ея царственнаго супруга, ея высокой культуры, цвѣтущему хозяйству, домашнему и общественному.

Появляясь вмѣстѣ съ супругомъ на разныхъ торжествахъ, царица рядомъ съ его простымъ костюмомъ, наоборотъ, обращала на

*) Голландцы предлагали Екатеринѣ Великой купить этотъ домикъ. Она отвѣчала, что пусть собираютъ деньги за показъ посѣтителямъ. При Александрѣ II домикъ купленъ, и содержаніе его теперь стоитъ денегъ нашему правительству. П. Б.

себя вниманіе мѣстныхъ обитателей чрезвычайной роскошью своихъ нарядовъ, въ особенности обиліемъ украшавшихъ ее брильянтовъ, жемчугу и другихъ драгоценныхъ камней. (Очевидно, не даромъ по поводу тяжелаго положенія Русской арміи на Прутѣ сложилась легенда, будто Екатерина подкупила великаго визиря своими драгоценностями).

Само собой разумѣется, что участіе въ торжествахъ, прогулки по каналамъ и поѣздки въ ближніе города не мѣшали Петру зорко слѣдить за политическими сношеніями и переговорами, которые вели уполномоченные имъ при разныхъ дворахъ его министры и резиденты. Болѣе другихъ недоувѣрчиво относился къ его противошведскимъ замысламъ и домогательствамъ Англо-ганноверскій дворъ, который настаивалъ на выводѣ Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. И вотъ въ томъ же Февралѣ мѣсяцѣ получается извѣстіе, что Шведскій министръ при Лондонскомъ дворѣ Гилленборгъ внезапно арестованъ и бумаги его конфискованы. Изъ этихъ бумагъ открылись тайныя сношенія Карла XII со сторонниками претендента на Англійскій престолъ, Якова III Стюарта: замышлялась даже высадка большого Шведскаго отряда въ Шотландіи для помощи Якобитамъ. Такое открытіе произвело сильное впечатлѣніе на короля Георга и, конечно, должно было побудить его къ сближенію съ Русскимъ царемъ. Послѣдній былъ крайне доволенъ симъ оборотомъ дѣлъ и тѣмъ, что Карль XII своимъ легкомысліемъ оттолкнулъ отъ себя Англійскаго короля. Но онъ радовался недолго. Пришло новое извѣстіе: изъ тѣхъ же бумагъ Гилленборга Англійскіе министры узнали, будто бы таже интрига въ пользу Стюартовъ проникла въ среду приближенныхъ къ царю, съ его лейбъ-медикомъ Арескинымъ во главѣ. Петръ встревожился и чрезъ своего резидента послалъ Лондонскому кабинету пространную записку, съ увѣреніями въ совершенной непричастности Русскаго двора къ означенной интригѣ и въ явной клеветѣ на Арескина. Англо-ганноверскіе министры отвѣтили резиденту, что король увѣренъ въ лживости и злонамѣренности Шведскихъ внушеній по сему предмету, однако отказывались вступить въ какія-либо соглашенія противъ Швеціи до вывода Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. Убѣдясь въ бесплодности переговоровъ съ Лондономъ, Петръ рѣшилъ обратиться въ Парижъ.

Въ Мартѣ 1717 года царь и царица выѣхали изъ Амстердама въ Гагу и остановились въ помѣщеніи Русскаго посла, князя Куракина. Тутъ ихъ привѣтствовала правительственная депутація, съ пансіонаріемъ Гейнзіемъ во главѣ; въ честь ихъ было устроено нѣсколько празднествъ. Отсюда Петръ дѣлалъ поѣздки въ Лейденъ, знаменитый

своимъ университетомъ, въ Дельфтъ и нѣкоторые другіе города. Въ Апрѣлѣ царственная чета переѣхала въ Роттердамъ. Здѣсь Петръ на время разстался съ супругой, которую не взялъ съ собой во Францію въ виду ея очень незнатнаго происхожденія съ одной стороны и предстоявшаго щепетильнаго придворнаго этикета съ другой. Въ свитѣ царя находились князь Куракинъ, Василій Долгорукій, Бутурлинъ, Толстой, Ягужинскій и пр. На Голландскихъ правительственныхъ яхтахъ онъ, съ заѣздомъ въ Дордрехтъ, переправился въ Антверпенъ, т.-е. въ Бельгію, тогда составлявшую Австрійскую провинцію. Здѣсь его привѣтствовали представители императора, и потомъ проводили черезъ Фландрію до гавани Дюнкирхена.

Петръ давно желалъ сближенія Россіи съ Франціей, которая дружила съ враждебными ему сосѣдними державами: на Сѣверѣ съ Швеціей, на Югѣ съ Турціей. Но Людовикъ XIV отчасти по этой именно причинѣ отклонялъ посѣщеніе царя, отчасти и по стѣсненнымъ въ послѣдніе его годы финансамъ, такъ какъ достойный приемъ Русскаго государя, уже пріобрѣвшаго большую славу, требовалъ и большихъ расходовъ. Теперь же Французскій регентъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій не счелъ возможнымъ противиться царскому визиту, тѣмъ болѣе, что около того времени появился проектъ о бракѣ вдоваго царевича Алексѣя съ дочерью герцога. Но самъ Петръ лелеялъ мысль о другомъ будущемъ бракѣ: своей дочери Елисаветы съ королемъ Людовикомъ XV, тогда еще малолѣтнимъ. Регентъ выслалъ навстрѣчу царю придворныя кареты съ маршаломъ Тессе, и Петръ въ одинъ прекрасный Апрѣльскій вечеръ прибылъ въ Парижъ.

Не буду останавливаться на его столь извѣстномъ почти шестинедѣльномъ пребываніи въ столицѣ Франціи, т.-е. на его свиданіяхъ съ регентомъ и маленькимъ королемъ, на его посѣщеніяхъ промышленныхъ и научныхъ учрежденій, дома Инвалидовъ, Сень-Сирской школы съ г-жей Ментенонъ включительно, на разказахъ о томъ, какъ онъ поражалъ Французовъ своею обычною любознательностью, чрезвычайною подвижностію, простотою своихъ привычекъ и вкусовъ. Владѣя языками Нѣмецкимъ и Голландскимъ, онъ не говорилъ по-французски, и переводчикомъ ему служилъ князь Куракинъ. Межъ тѣмъ его министры Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ вели переговоры съ Французскими министрами о союзѣ. Переговоры эти окончились только въ Августѣ мѣсяцѣ въ Голландіи. Царь по выѣздѣ изъ Франціи провелъ нѣсколько недѣль въ Спа, гдѣ лѣчился водами, а затѣмъ воротился въ Амстердамъ, гдѣ ожидала его Екатерина и гдѣ былъ заключенъ теперь союзный договоръ между тремя державами: Рос-

сіей, Пруссіей и Франціей. Договоръ отчасти торговый, а отчасти направленный къ утверженію Европейскаго мира и прекращенію Сѣверной войны. Но съ этой стороны Французскіе уполномоченные оставили договоръ такими оговорками, что практическаго значенія онъ почти не имѣлъ. Вышеупомянутые брачныя проекты также не получили никакого движенія. Важна только первая попытка сближенія Россіи съ Франціей.

Въ Амстердамѣ Петръ возобновилъ свои судоходныя прогулки, посѣщенія заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ. На сей разъ онъ особенно посѣщаль мастерскія живописцевъ. Это искусство, какъ извѣстно, достигло тогда большого процвѣтанія въ Голландіи. Сдѣланныя царемъ приобрѣтенія многихъ произведеній Голландской школы послужили основой роскошнаго собранія въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ того Петръ нанялъ въ свою службу нѣсколько мастеровъ, а также оставилъ въ Голландіи для обученія нѣкоторыхъ Русскихъ молодыхъ людей, и тѣмъ вообще положилъ начало пересажденію Европейскихъ искусствъ въ Россію. Въ концѣ Августа онъ еще разъ посѣтилъ незабвенный Заандамъ и обитавшихъ тамъ своихъ старыхъ пріятелей. А въ Сентябрѣ царственная чета покинула возлюбленную Голландію и направилась въ Россію, гдѣ въ то время общественное вниманіе было занято бѣгствомъ царевича Алексѣя.

VI.

Бѣгство царевича Алексѣя.

По отъѣздѣ Петра за границу Алексѣй, явно устранный отъ дѣлъ правительственныхъ, по наружности велъ мирный, спокойный образъ жизни; время отъ времени посылалъ отцу и мачихѣ краткія письма съ поздравленіемъ о днѣ рожденія или именинъ, съ извѣстіями о здоровьѣ ихъ дѣтей, а своихъ „братца и сестрицъ“; занимался хозяйствомъ своихъ имѣній, даже намѣревался прикупить къ нимъ 5000 душъ крестьянъ; очень заботился о своей возлюбленной Чухонкѣ и поручалъ разыскать въ Московскихъ бумагахъ своего учителя Вяземскаго купчія крѣпости на Евфросинію и Ивана Ѳедоровыхъ (но ихъ не оказалось). А между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что такое затишье въ его жизни непродолжительно, что враги не дремятъ и гроза надвигается; ибо срокъ, данный отцомъ, не за горами. Въ отечествѣ, конечно, не было такого уголка, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ гнѣвнаго отца, а запереть себя въ монастырское уединеніе *) онъ отнюдь не

*) Вблизи Твери, въ Жолтыковомъ монастырѣ, показываютъ приготовленную для царевича келью. П. Б.

желалъ. Сама собою по этому приходила мысль бѣжать и спастись за границу.

Въ 1715 году скончалась любимая сестра Петра, Наталья Алексѣевна. Есть извѣстіе, что передъ смертью она говорила Алексѣю о своихъ ходатайствахъ за него передъ царемъ, но что впредь онъ уже самъ долженъ о себѣ промышлять, и лучше всего, если отдастъ себя подъ покровительство Германскаго императора. Послѣ того въ кружкѣ лицъ, преданныхъ царевичу, эта мысль продолжала работать. Въ отсутствіе царя сестра его Марья Алексѣевна, сочувствовавшая своему племяннику, отправилась лѣчиться въ Карлсбадъ. Въ ея свитѣ находился Александръ Кикинъ; онъ обѣщаль царевичу поискать для него вѣрное убѣжище въ чужихъ краяхъ, и эти исканія сосредоточилъ около того же Вѣнскаго двора.

Царевичу не доставало только предлога для задуманнаго выѣзда за границу. И вотъ самъ Петръ даетъ ему этотъ предлогъ.

Прошло около семи мѣсяцевъ со времени второго грознаго посланія къ сыну; казалось, что, отвлеченный своимъ вторымъ путешествіемъ и важными политическими заботами, отецъ забылъ о своихъ требованіяхъ. Но очевидно какая-то близкая особа не допускала подобнаго забвенія. Въ концѣ Августа 1717 года Петръ вдругъ изъ Копенгагена шлетъ въ Петербургъ гонца съ третьимъ грознымъ посланіемъ. Онъ пишетъ, что напрасно семь мѣсяцевъ ждалъ отъ сына „резолуціи на извѣстное дѣло“, вмѣсто которой тотъ пишетъ только о здоровьѣ. А потому пусть или немедленно пострижется въ монахи или не мѣшкающая пріѣзжаетъ къ отцу, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣлахъ. И то и другое рѣшеніе представлялось царевичу гибельнымъ; а такъ какъ планъ бѣгства уже созрѣлъ, то онъ поспѣшилъ воспользоваться отцовскимъ вызывомъ и быстро собрался въ дорогу, о чемъ извѣстилъ князя Меншикова. Послѣдній полюбопытствовалъ о его намѣреніи относительно Евфросиніи. Алексѣй отвѣтилъ, что возьметъ ее только до Риги, откуда отпустить въ Петербургъ. „Возьми ее съ собою“, сказалъ Меншиковъ. Конечно царевичъ лгалъ въ томъ, что беретъ возлюбленную только до Риги. Но и Меншиковъ, совѣтующій или, точнѣе, позволяющій съ нею не разставаться, тѣмъ самымъ намекаетъ на существованіе какого-то плана, какихъ-то коварно разставленныхъ сѣтей, въ которыхъ Алексѣй долженъ былъ неминуемо запутаться, все равно, поѣдетъ ли онъ къ отцу или убѣжить. Не такъ были просты Екатерина и Меншиковъ, чтобы имъ не приходилъ въ голову соблазнъ для Алексѣя воспользоваться удобнымъ случаемъ для бѣгства. А разъ онъ имъ воспользуется, то судьба его,

какъ государственнаго преступника, опредѣлялась заранѣе и наследованіе имъ престола навсегда устранилось. Возможно, что назрѣвшая заранѣе мысль о бѣгствѣ не осталась неизвѣстной близко наблюдавшему за нимъ свѣтлѣйшему князю Меньшикову.

Передъ отъѣздомъ Алексѣй побывалъ въ Сенатѣ, чтобы протѣяться съ сенаторами. Среди нихъ была партія, непріязненная свѣтлѣйшему, съ князьями Долгорукими и Голицыными во главѣ, а потому благосклонная опальному царевичу. Но до какой степени вельможи боялись явно обнаружить свои чувства, показываетъ примѣръ извѣстнаго правдолюбца князя Якова Долгорукова. Онъ и прежде просилъ Алексѣя не посѣщать его, потому что за сими посѣщеніями надзирають. А теперь, при прощаньѣ въ Сенатѣ, когда царевичъ сталъ на ухо говорить Якову Ѳедоровичу, чтобы не оставлялъ его, тотъ обѣщаль, но попросилъ прекратить сей разговоръ, такъ какъ „другіе-де смотрятъ на насъ“.

Алексѣй постарался возможно болѣе запасть на дальнюю дорогу денежными суммами. Между прочимъ, Меньшиковъ далъ ему 1000 червонцевъ, Сенатъ ассигновалъ 2000 рублей, да проѣздомъ въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-комиссара Исаева 5000 червонцевъ и на 2000 руб. мелочи. Свой замыселъ онъ, повидимому, тщательно скрывалъ, и только камердинеру Ивану Большому-Аванасьеву открылся, что ѣдетъ не къ отцу, а въ Вѣну къ цесарю или въ Римъ. Кромѣ Евфросины онъ взялъ съ собою ея брата Ивана Ѳедорова и не болѣе трехъ служителей, Носова, Судакова и Меера. Довольный и полный надеждъ, онъ выѣхалъ изъ Петербурга 26 Сентября 1716 года.

По дорогѣ между Ригою и Либавою царевичъ встрѣтилъ свою тетку царевну Марью Алексѣевну, которая возвращалась изъ Карлсбада, и долго съ нею бесѣдовалъ. Тетка пожурила его за то, что онъ почти забылъ о своей матери и даже не писалъ ей, конечно, боясь отца; а насчетъ сего послѣдняго сообщила какія-то пророчества о его будущемъ примиреніи съ первой женой *) и предстоящемъ запустѣніи Петербурга; при чемъ неодобрительно отозвалась объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Слѣдомъ за царевной ѣхалъ Александръ Кикинъ; царевичъ увидѣлся съ нимъ въ Либавѣ. Послѣдній сообщилъ, что нашель ему убѣжище, при посредствѣ Русскаго резидента въ Вѣнѣ Абрама Веселовскаго: по докладу вице-канцлера Шѣнборна, цесарь обѣщаль при-

*) См. выше, примѣчаніе. П. Б.

нять царевича, какъ свояка по женѣ, и даже назначить ему содержание, вѣроятно, тысячи по три гульденовъ въ мѣсяць.

Алексѣй Петровичъ проѣхалъ Данцигъ; а за тѣмъ вдругъ свернулъ съ прямого пути въ Данію, и тайкомъ направился на Франкфуртъ на Одеръ, оттуда на Бреславль, потомъ на Чешскую Прагу, и, наконецъ, на Вѣну, стараясь по возможности замѣтать слѣды и выдавая себя на почтовыхъ станціяхъ и въ гостиницахъ то за Русскаго подполковника Коханскаго съ женою и служителями, то за Польскаго кавалера Кременецкаго.

9 Ноября бѣглець достигъ Вѣны и остановился въ гостиницѣ. На слѣдующій день поздно вечеромъ имперскій вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ уже раздѣлся и собирался лечь въ постель, когда ему доложили, что какой-то незнакомецъ желаетъ съ нимъ говорить. Тщетно графъ отказывался принять его немедленно и откладывалъ объясненіе до утра. Незнакомецъ ломанымъ Нѣмецкимъ языкомъ настаивалъ, ссылаясь на крайне важное дѣло, о которомъ тотчасъ необходимо донести императору. Вице-канцлеръ, наконецъ, уступилъ. Слуга царевича Яковъ Носовъ (это былъ онъ) безъ всякихъ предсловій объявилъ, что Русскій царевичъ Алексѣй Петровичъ прибылъ тайно, хочетъ видѣть графа и ждетъ у подъѣзда. Шёнборнъ поспѣшилъ одѣться и принять гостя наединѣ. Алексѣй казался сильно взволнованнымъ, быстрыми шагами началъ ходить по комнатѣ и разразился потокомъ горькихъ жалобъ. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ умолять своего шурина-императора о покровительствѣ и спасеніи, что отецъ хочетъ лишить его не только престолонаслѣдія, но и самой жизни, тогда какъ онъ передъ отцомъ ни въ чемъ не виноватъ, что отъ него требуютъ немедленнаго постриженія въ монахи, и въ заключеніе просилъ, чтобы его тотчасъ вели къ императору. Шёнборнъ старался его успокоить, увѣрялъ, что здѣсь онъ въ полной безопасности, что въ такое позднее время невозможно беспокоить государя, а вмѣсто того лучше откровенно и точно раскрыть вице-канцлеру всѣ обстоятельства, о которыхъ онъ могъ бы основательно доложить его величеству.

Выпивъ стаканъ мозельвейну и нѣсколько успокоясь, Алексѣй принялся рассказывать свою жизнь и остановился на отношеніяхъ къ нему отца, мачихи и Меньшикова. Хотя онъ не склоненъ къ военному дѣлу, однако отецъ былъ къ нему добръ, пока не пошли у него дѣти и пока царица сама не родила сына. Съ той поры она вмѣстѣ съ Меньшиковымъ всячески стала вооружать противъ него царя; въ тоже время старались его запоить виномъ до смерти; Меньшиковъ

намѣренно далъ ему плохое воспитаніе, обходился съ нимъ грубо, не заставлялъ учиться, окружалъ дурными людьми и глупцами. Хотя онъ и отказался отъ престолонаслѣдія, но вслѣдствіе страха и насилія, и притомъ только за себя, а не за своихъ дѣтей, которыхъ поручаетъ покровительству императора. Старался царевичъ оправдать и свое поведеніе относительно покойной супруги, которая-де много терпѣла отъ царя и царицы. Распространялся о крайнемъ жестокосердіи и кровожадности своего отца, который много пролилъ невинной крови и даже собственноручно; а потому умолялъ не выдавать его царю, что было бы равносильно смертному приговору. Когда вице-канцлеръ заговорилъ о возможности его примиренія съ отцомъ, Алексѣй отвергалъ всякую надежду на примиреніе и съ горькими слезами просилъ открытаго покровительства со стороны цесаря. Шёнборнъ, наоборотъ, убѣдилъ его пока содержать себя втайнѣ. На томъ они разстались.

На слѣдующій день вице-канцлеръ, конечно, доложилъ обо всемъ Карлу VI. Императоръ одобрилъ его дѣйствія и немедля собралъ конференцію изъ министровъ и близкихъ людей для обсужденія вопроса, какъ поступить съ царевичемъ. По докладу сей конференціи императоръ рѣшилъ принять бѣглеца подъ свое покровительство, но держать его въ секретѣ и даже не допускать свиданія его съ ихъ императорскими величествами, и тѣмъ болѣе, что императрица была въ то время беременна. Для скрытаго его пребыванія велѣно было приготовить помѣщеніе въ Тирольскомъ замкѣ Эренбергѣ; а пока укрыли его въ одномъ мѣстечкѣ подъ Вѣной, и тутъ одному изъ министровъ поручено было въ подробностяхъ изслѣдовать его дѣло. Царевичъ еще обстоятельнѣе изложилъ исторію своихъ отношеній къ отцу, а также всѣ тѣ пункты своихъ жалобъ и просьбъ, которые онъ сообщилъ вице-канцлеру при первомъ своемъ свиданіи. Къ просьбамъ о покровительствѣ и невыдачѣ отцу онъ присоединилъ просьбу о присылкѣ къ нему Греческаго священника; ибо, строго наблюдая православные обряды и посты, онъ особенно желалъ имѣть его при наступавшихъ Рождественскихъ праздникахъ. Эта просьба однако не была удовлетворена, такъ какъ не соотвѣтствовала потребности сохранять втайнѣ его пребываніе.

Итакъ, при всей внезапности описанной выше сцены свиданія царевича съ вице-канцлеромъ, въ виду быстрого затѣмъ и благоклоннаго рѣшенія императора, можемъ догадываться, что появленіе Алексѣя въ Вѣнѣ и просьба объ убѣжищѣ не были тамъ полною неожиданностью и что сообщеніе Александра Кикина о предшествующихъ переговорахъ съ Шёнборномъ при посредствѣ Веселовскаго не

было его выдумкою. Нельзя также не отдать справедливости природному уму и наблюдательности царевича, который въ минуту вынужденной откровенности высказалъ столь вѣрный взглядъ на свое собственное положеніе и ярко очертилъ несимпатичныя стороны, пріусущія и ему самому, и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ трагедіи.

Между тѣмъ Петръ тщетно ожидалъ царевича. Въ этомъ ожиданіи прошло мѣсяца полтора, и, когда уже не было сомнѣнія въ его бѣгствѣ, царь 2 Декабря отдалъ приказъ командиру Русскимъ войскомъ въ Меклембурѣ генералу Вейде послать надежныхъ людей на развѣдки. Онъ послалъ двухъ офицеровъ изъ Нѣмцевъ, которые ѣздили въ Пруссію и Австрію и ничего положительнаго не узнали. Но въ тоже время Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Абрама Веселовскаго и поручилъ ему тайно развѣдать о мѣстѣ пребыванія сына и арестовать его, при чемъ снабдилъ собственноручнымъ письмомъ къ Карлу VI, гдѣ просилъ прислать къ нему съ резидентомъ царевича, если послѣдній обрѣтается въ цесарскихъ владѣніяхъ. Веселовскій сразу взялъ вѣрное направленіе: онъ началъ свои развѣдки съ дороги между Данцигомъ и Франкфуртомъ на Одерѣ, проѣхалъ отсюда на Бреславль, потомъ на Прагу и наконецъ, на Вѣну, вездѣ собирая свѣдѣнія о проѣзжавшихъ на почтовыхъ дворахъ и въ гостиницахъ; подъ Вѣной слѣды бѣглеца какъ будто затерялись, и пришлось нѣкоторое время ѣздить туда и сюда, чтобы ихъ найти. Но вопросъ разрѣшился очень просто: подкупленный резидентомъ чиновникъ тайной Вѣнской конференціи Дальбергъ открылъ ему, что особа, именовавшая себя Коханскимъ, дѣйствительно находится въ цесарскихъ владѣніяхъ и пребываетъ въ горной глуши, именно въ замкѣ или крѣпостцѣ Эренбергѣ въ Верхнемъ Тиролѣ, гдѣ имѣется очень небольшой гарнизонъ, и, слѣдовательно, нѣсколько Русскихъ офицеровъ легко могутъ захватить его и увезти. Веселовскій, конечно, своевременно посылалъ царю донесенія о своихъ развѣдкахъ. Крайне подозрительна та роль, которую во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ нашъ резидентъ. Онъ, повидимому, подготовилъ царевичу убѣжище во владѣніяхъ императора; онъ же потомъ разыскалъ его въ этихъ владѣніяхъ. Тутъ съ его стороны была какая-то двойная игра, какое-то коварное участіе въ устройствѣ ловушки для несчастнаго царевича. Подозрѣніе историка находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе и въ томъ, что впослѣдствіи Веселовскій не вернулся въ Россію, а скрылся, и Петръ сколько ни старался, никакъ не могъ его разыскать. Онъ бѣжалъ въ Англію, а умеръ въ Женевѣ глубокимъ старцемъ.

Какъ бы то ни было, въ Мартѣ 1717 года царь прислалъ въ Вѣну въ распоряженіе Веселовскаго капитана гвардіи Александра Румян-

цева съ тремя офицерами. Веселовскій отправилъ Румянцева въ Тироль на развѣдки о царевичѣ. Воротясь, Румянцевъ подтвердилъ, что царевичъ дѣйствительно пребываетъ въ замкѣ Эренбергѣ, расположенномъ на высокой горѣ и охраняемомъ всего двадцатью солдатами. Веселовскій, на основаніи царскихъ инструкцій, вступилъ въ переговоры съ цесарскими министрами, особенно съ принцемъ Евгениемъ Савойскимъ, и потребовалъ выдачи мнимаго Коханскаго. 8 Апрѣля онъ добился аудіенціи у императора и представилъ ему собственноручное письмо царя. Карлъ VI отговорился тѣмъ, что не получалъ еще донесенія о пребываніи извѣстной особы въ его владѣніяхъ и что самъ будетъ отвѣчать Русскому царю. И дѣйствительно отвѣтилъ потомъ, но въ уклончивыхъ выраженіяхъ, съ увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ. Было ясно, что горное убѣжище царевича открыто; въ окрестностяхъ Эренберга появились подозрительныя лица: то былъ Румянцевъ со своими офицерами. При цесарскомъ дворѣ рѣшено было перевести бѣглецовъ въ болѣе надежное убѣжище. Въ Тироль поскакалъ курьеромъ секретарь Вѣнской конференціи Кейль, чтобы показать Алексѣю Петровичу письмо его отца и спросить его мнѣніе. Прочитавъ письмо, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе; онъ плакалъ, рыдалъ и вопилъ, что поѣдетъ куда угодно цесарю, только бы тотъ не выдавалъ его отцу. Секретарь постарался увѣрить несчастнаго въ неизмѣнномъ покровительствѣ императора и предложилъ для болѣе безопасности немедля отправиться въ Неаполь, который со времени войны за Испанское наслѣдство принадлежалъ Австрійскимъ Габсбургамъ. Царевичъ съ радостью согласился и на другой же день раннимъ утромъ подъ видомъ Австрійскаго офицера выѣхалъ въ сопровожденіи секретаря Кейля и переодѣтой пажомъ Евфросиньи. Чрезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію и Римъ путешественники благополучно 6 Мая достигли Неаполя. Несмотря на свое тяжелое, критическое положеніе, Алексѣй дорогой обнаруживалъ обычную наклонность къ неумѣренному винопитію, какъ о томъ доносилъ Кейль графу Шѣнборну. Въ тоже время, несмотря на всѣ предосторожности и принятія мѣры сохранить втайнѣ этотъ долгій переѣздъ по Тиролю и Италіи, Румянцевъ сумѣлъ не потерять изъ виду царевича и прослѣдилъ его до самого Неаполя.

На высокой горѣ, съ которой открывается обширный видъ на море и у подножія которой разстилается Неаполь, стоитъ кастель или замокъ Сантъ-Эльмо. Здѣсь былъ помѣщенъ Русскій царевичъ подъ видомъ нѣкоего Мадыарскаго графа, арестованнаго за государственное преступленіе и порученнаго надзору Неаполитанскаго вице-короля

графа Дауна. Пять мѣсяцевъ слишкомъ Алексѣй прожилъ здѣсь со своею возлюбленною Евфросиньею. Первымъ его дѣломъ было написать благодарственныя посланія цесарю и его вице-канцлеру. Затѣмъ онъ извѣщалъ Петербургскихъ сенаторовъ и своихъ Московскихъ друзей о томъ, что живъ, здоровъ и, Богъ дастъ, при лучшихъ обстоятельствахъ возвратится въ отечество; получалъ и отъ нихъ вѣсти. Но конечно, не вся его переписка, проходившая черезъ руки Австрійскихъ властей, доходила по назначенію. Часть ея сохранилась въ Вѣнскомъ тайномъ государственномъ архивѣ. Тутъ между прочимъ имѣется въ Нѣмецкомъ переводѣ письмо изъ Лондона съ изъявленіемъ своей преданности отъ знаменитаго впослѣдствіи Русскаго канцлера Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, въ то время служившаго камеръ-юнкеромъ при дворѣ Георга I, курфирста Ганноверскаго и короля Англійскаго. Автора, конечно, спасло то, что письмо его осталось неизвѣстно Петру.

При Вѣнскомъ дворѣ господствовала увѣренность, что переѣздъ царевича въ Неаполь совершился въ глубокой тайнѣ и что его мѣсто-пребываніе теперь вполне скрыто отъ царскихъ агентовъ. Каково же было удивленіе цесарскихъ министровъ, когда, спустя мѣсяца два съ половиною, въ концѣ Іюля въ Вѣну прибыли царскіе посланцы, тайный совѣтникъ П. А. Толстой и капитанъ Румянцевъ. Они вмѣстѣ съ Веселовскимъ получили у цесаря аудіенцію, на которой подали ему письмо отъ своего государя, помѣченное 10-мъ Іюля въ Бельгійскомъ городѣ Спа. Петръ извѣщалъ, что ему извѣстны пребыванія сына сначала въ замкѣ Эренбергѣ, а потомъ въ Неаполѣ. Вѣжливо, но твердо онъ просилъ цесаря отпустить царевича съ его посланцами и никоимъ образомъ не брать на себя роль судьи между отцомъ и сыномъ. Къ письму Толстой, согласно данной ему инструкціи, присоединилъ словесныя убѣжденія выдать ему царевича и не вступаться за него противъ родителя и самодержавнаго государя, который обѣщаетъ принять его милостиво и простить, если онъ раскается и впредь будетъ послушенъ. Въ случаѣ отказа со стороны цесаря, царь протестуетъ, сочтетъ его за тяжкую обиду и явный разрывъ, а сына всенародно предастъ отцовскому и церковному проклятію и будетъ принужденъ требовать его выдачи вооруженною рукою и т. п. Все это Толстой старался высказать въ выраженіяхъ возможно мягкихъ и учтивыхъ. Карлъ благосклонно выслушалъ его и обѣщалъ дать отвѣтъ на царское письмо.

Спустя нѣсколько дней, цесарь назначилъ комиссію изъ трехъ министровъ, чтобы обсудить вопросъ о царевичѣ. Комиссія главнымъ

образомъ высказалась, что дальнѣйшее его укрывательство небезопасно для Австрійской монархіи, ибо царь можетъ двинуть на нее свои войска, расположенныя въ Польшѣ, можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ (Славянская) чернь легко къ нему пристанетъ; а въ то время Австрія вела войну съ Турками. Но какъ ни хлопоталъ Толстой о выдачѣ ему царевича, благодушный и благородный Карлъ VI отказался приневоливать его къ чему-либо и желалъ только примиренія отца съ сыномъ или прощенія сему послѣднему. На этой струнѣ и началъ играть хитрый Толстой. Между прочимъ онъ сумѣлъ къ сему плану примиренія привлечь и тещу царевича герцогиню Вольфенбюттельскую, которая въ такомъ смыслѣ обращалась и къ своему зятю императору и написала посланіе Алексѣю. Наконецъ, царскимъ посланцамъ разрѣшено было ѣхать въ Неаполь и войти въ непосредственныя сношенія съ Алексѣемъ. Вице-король графъ Даунъ получилъ отъ цесаря подробную инструкцію, какъ устраивать ихъ свиданія и какъ поступать въ случаѣ того или другого рѣшенія, которое приметъ бѣглець. При свиданіяхъ ему поручалось наблюдать, чтобы „Москвитяне“ не могли напасть на царевича и лишить его жизни, ибо это люди „отчаянные и на все способные“.

Въ концѣ Сентября Толстой и Румянцевъ добрались до Неаполя, и графъ Даунъ устроилъ имъ первое свиданіе съ царевичемъ въ королевскомъ дворцѣ. Тутъ Толстой вручилъ ему собственноручное письмо царя, помѣченное 10-мъ Іюля 1717 года въ городѣ Спа. Въ этомъ письмѣ Петръ *божился*, что никакого наказанія сыну не будетъ, ежели послушается и возвратится; въ противномъ случаѣ грозилъ предать его вѣчному проклятію. При семъ оба посланца уговаривали его ѣхать съ ними въ отечество. Смущенный царевичъ просилъ времени подумать. Вскорѣ произошло второе свиданіе, также во дворцѣ. Въ присутствіи вице-короля Алексѣй рѣшительно отказался отъ возвращенія къ отцу. Толстой грозилъ, что царь будетъ требовать вооруженною рукою. Успокоенный графомъ Дауномъ, что цесарь противъ воли не выдастъ его отцу, Алексѣй не сдавался.

Дальнѣйшія свиданія происходили уже въ замкѣ Сантъ-Эльмо. Царевичъ продолжалъ упорствовать, но чувствовалъ, что почва подъ его ногами заколебалась и никакой твердой опоры нѣтъ. Какъ бы великодушно ни относился къ нему Карлъ VI, однако не могъ онъ простирать свое покровительство до полного разрыва съ могущественнымъ Русскимъ государемъ и до разлада съ собственными министрами, большинство которыхъ и особенно вліятельный принцъ Евгений Савойскій, несочувственно относились къ сему покровительству. Да и

самъ царевичъ своимъ поведеніемъ не могъ внушить большого сочувствія, а связь его съ простой Чухонкой и желаніе вступить съ ней въ бракъ, на что обращалъ особое вниманіе Вѣнскаго двора Толстой, окончательно унижали его въ глазахъ этого двора. Пронырливый Толстой скоро узналъ, что цесарская инструкція предписывала Дауну всѣми мѣрами склонять бѣглеца къ возвращенію въ Россію и примиренію съ отцомъ; а затѣмъ ловко повелъ дѣло къ развязкѣ. Во-первыхъ, онъ подкупилъ вице-королевскаго секретаря Вейнгардта, который якобы подъ секретомъ сообщилъ царевичу, что цесарь никоимъ образомъ не будетъ защищать его оружіемъ. Во-вторыхъ, взялъ несчастнаго за самую чувствительную струну: по уговору съ Толстымъ, Даунъ изъявилъ намѣреніе отлучить отъ Алексѣя его возлюбленную. Въ-третьихъ, чтобы окончательно напугать его, Толстой сообщилъ ему, что отецъ не только собирается двинуть войска, но и самъ хочетъ пріѣхать въ Италію. Наконецъ, въ-четвертыхъ, Толстой сумѣлъ найти себѣ союзницу въ самой Евфросинѣ, которую тѣми или другими обѣщаніями и убѣженіями склонилъ помочь ему въ его домогательствахъ. Алексѣй уже думалъ бѣжать въ Римъ и отдаться подъ покровительство папѣ; но его отговорила Евфросинья, какъ впоследствии она сама о томъ заявила.

Царевичъ не выдержалъ столькихъ ударовъ и сдался. Онъ просилъ только, чтобы у него не отнимали Евфросиньи и позволили немедленно жениться на ней, такъ какъ она находилась тогда въ періодъ беременности. Толстой обѣщаль ходатайствовать передъ царемъ объ исполненіи сей просьбы. Прежде чѣмъ покинуть Неаполь, набожный царевичъ, сопровождаемый Толстымъ и Румянцевымъ, сдѣлалъ поѣздку въ городъ Бари и поклонился мощамъ св. Николая Угодника. А въ половинѣ Октября, въ томъ же сопровожденіи, выѣхалъ изъ Неаполя въ Россію. Дорогою онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ Петръ, довольный его рѣшеніемъ воротиться, снова подтверждалъ обѣщанное ему прощеніе. Въ письмѣ къ Толстому царь поручилъ передать сыну и свое согласіе на бракъ съ Евфросиньей, но только не за границей, а по пріѣздѣ въ Россію. Возлюбленная отправилась отдѣльно, въ сопровожденіи своего брата, и ѣхала медленно по причинѣ своей беременности.

VII.

Возвращеніе въ Россію и царскій розыскъ.

Въ началѣ Декабря 1717 года царевичъ со своими провожатыми поздно ночью прибылъ въ Вѣну, а на другой день раннимъ утромъ поѣхалъ далѣе и направился въ Брюнъ, тогда какъ въ своемъ послѣднемъ благодарственномъ письмѣ изъ Неаполя онъ извѣщалъ цесаря, что благодарность свою за покровительство лично принесетъ ему въ Вѣнѣ. Карлъ VI и его совѣтники, узнавъ о семъ поспѣшномъ, таинственномъ проѣздѣ, естественно догадались, что это продѣлка Толстого, который боялся, какъ бы свиданіе съ императоромъ и разговоры съ разными лицами не поколебали рѣшимости царевича возвратиться къ отцу. Тотчасъ въ Брюнъ къ Моравскому генераль-губернатору графу Колоредо былъ отправленъ курьеръ съ императорскимъ приказомъ задержать царевича подъ благовиднымъ предлогомъ, постараться видѣть его наединѣ и спросить отъ имени цесаря, дѣйствительно ли онъ возвращается добровольно, безъ принужденія и безъ страха за свою участь; въ противномъ случаѣ вновь предложить ему покровительство и пребываніе въ цесарскихъ владѣніяхъ. Но Толстой подъ разными предлогами не допустилъ графа Колоредо къ свиданію съ царевичемъ, котораго убѣдилъ также отказать въ этомъ свиданіи и спѣшить выѣздомъ изъ Брюна. А такъ какъ Колоредо заявилъ, что не отпуститъ ихъ до полученія новаго приказа изъ Вѣны, Толстой протестовалъ противъ задержки и написалъ въ Вѣну Веселовскому, чтобы тотъ хлопоталъ о разрѣшеніи отпуска. Карлъ, получивъ донесеніе Колоредо, отдалъ его на обсужденіе своимъ министрамъ. Въ ихъ совѣтѣ явно преобладало желаніе избавиться отъ царевича, отъ котораго нельзя ожидать никакой пользы (для Австріи); но чтобы соблюсти императорское достоинство, графъ Колоредо долженъ видѣть царевича и сказать ему привѣтствіе. Такъ и было поступлено. Согласно полученному приказу, графъ потребовалъ личнаго свиданія съ царевичемъ. Толстой грубо въ этомъ отказывалъ, и только послѣ угрозы войти силою въ ихъ помѣщеніе, онъ допустилъ свиданіе, но отнюдь не наединѣ, а въ присутствіи своемъ, капитана Румянцева и еще какого-то Нѣмца изъ ихъ свиты. Колоредо могъ только обмѣняться нѣсколькими любезностями отъ имени цесаря. Затѣмъ путешественники поспѣшно уѣхали изъ Брюна. Карлъ VI послалъ Петру I жалобу на грубость Толстого; а въ послѣдствіи получилъ отъ царя отвѣтъ, что Толстой нисколько не виноватъ, ибо склонялъ царевича къ свиданію,

но будто бы сей послѣдній самъ тому противился. Вотъ до какой степени неправды во всемъ этомъ дѣлѣ доходилъ тогда великій Преобразователь Россіи!

Межъ тѣмъ Алексѣй Петровичъ все время обратнаго пути главную свою заботу обращалъ на страстно любимую имъ Евфросинію, и они взаимно обмѣнивались самыми нѣжными письмами. Въ Венеціи ея свита увеличилась: здѣсь поджидали ее три извѣстные намъ служителя, которые остались въ Эренбергѣ. Алексѣй пишетъ, что зѣло тому радъ, понеже ей теперь нескучно одной; да и кушанья ей по вкусу можетъ изготовить Яковъ (Носовъ), который, повидимому, былъ и поваромъ. Успокоенный клятвенными отцовскими обѣщаніями помилванія и поданною ему надеждою на бракъ съ своею возлюбленною, царевичъ уже обращается къ ней какъ къ будущей женѣ и матери своего ребенка, имѣющаго вскорѣ появиться на свѣтъ. Поэтому по пріѣздѣ въ Россію первымъ его дѣломъ было послать женщину для прислуги; а повивальную бабу онъ отправилъ къ ней ранѣе, изъ Данцига въ Берлинъ, гдѣ Евфросинія остановилась для отдыха. Алексѣй Петровичъ сообщалъ ей свои мечты объ ихъ будущемъ семейномъ счастіи гдѣ-либо вдали отъ двора, въ сельскомъ уединеніи, а въ это время близкіе ему люди и его приверженцы съ горестію встрѣтили вѣсть объ его возвращеніи и повѣряли другъ другу опасенія великихъ бѣдъ какъ для него, такъ и для нихъ самихъ.

Въ первыхъ числахъ Января 1718 года царевичъ достигъ предѣловъ новозавоеванной Петромъ Лифляндіи. Теперь жертва уже не могла ускользнуть изъ рукъ палачей; а потому Толстой въ Ригѣ покинулъ царевича и поскакалъ впередъ къ государю съ подробными донесеніями. Алексѣй чрезъ Новгородъ и Тверь въ послѣдній день Января прибылъ въ Москву, гдѣ тогда находились царь и царица.

Тутъ пронзошла полная перемяна декорацій.

Спустя два дня, царевича безъ шпаги, какъ арестанта, привели въ аудіенцъ-залу Кремлевскаго дворца, охраняемаго нѣсколькими батальонами гвардіи съ заряженными ружьями. Самъ царь, окруженный высшими духовными и гражданскими лицами, обратился къ Алексѣю съ суровымъ словомъ, упрекая его въ дурномъ поведеніи и преступномъ бѣгствѣ. Тотъ упалъ на колѣни и слезно просилъ прощенія. Царь, забывъ о своемъ прощеніи, уже данномъ и скрѣпленномъ клятвою, вновь обѣщалъ его, но теперь подъ условіемъ отказа отъ престолонаслѣдія и выдачи всѣхъ своихъ сообщниковъ въ совер-

пеніи бѣгства. Несчастнѣйшій, какъ звѣрокъ, затравленный и пойманный въ ловушку, потерялъ всякое самообладаніе и машинально исполнялъ все, чего отъ него требовали. Онъ назвалъ имена сообщниковъ и подписалъ клятвенное отреченіе отъ наслѣдія престола въ пользу маленькаго брата своего, сына Екатерины, царевича Петра Петровича. Въ тотъ же день, 9 Февраля, изданъ былъ обширный царскій манифестъ. Здѣсь излагались вѣны и пороки Алексѣя, въ которыхъ онъ закоренѣлъ, несмотря на всѣ (якобы) старанія дать ему хорошее воспитаніе, приличное наслѣднику престола; вступивъ въ бракъ съ дочерью владѣтельнаго герцога, онъ не только жилъ съ нею „въ крайнемъ несогласіи“, но еще при ея жизни началъ явную связь съ „бездѣльною и работною дѣвкой“. Далѣе говорилось о напрасныхъ родительскихъ увѣщаніяхъ и трудахъ исправить сына и „обратить его на путь добродѣтели“. Манифестъ особенно останавливается на преступномъ бѣгствѣ царевича къ цесарю, котораго онъ всячески возбуждалъ противъ своего отца и едва не довелъ ихъ до войны.

Хотя за такія свои преступленія царевичъ „достоинъ былъ лишенія живота“, однако царь „его прощаетъ и отъ всякаго наказанія освобождаетъ“ (?); но „для пользы государственной“ и ради сохраненія какъ завоеванныхъ „провинцій“, такъ и всего совершеннаго „неусыпными трудами нашими“, государь лишаетъ сына своего, Алексѣя, наслѣдства престола; а „наслѣдникомъ опредѣляетъ другаго сына, Петра“, и тѣ, которые „будутъ считать Алексѣя за наслѣдника“, объявляются измѣнниками отечеству и государю.

Несмотря на вторичное письменное объявленное прощеніе, вслѣдъ затѣмъ и начался жестокой судный розыскъ надъ Алексѣемъ и его сторонниками. Ему были предложены вопросныя пункты касательно его бѣгства и пособниковъ. Царевичъ на эти пункты написалъ довольно подробный разсказъ съ указаніемъ на роль главнаго пособника, т.-е. Александра Кикина, потомъ на Никифора Вяземскаго, на Московскаго своего духовника протопопа Якова Игнатѣева и Петербургскаго протопопа Георгія, камердинера своего Ивана Большого-Аванасьева, Семена Нарышкина, Федора Дубровскаго; упомянулъ о сношеніяхъ своихъ съ кн. Василюмъ Владимировичемъ Долгорукомъ, Федоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, Сибирскимъ царевичемъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ разныя мѣста поскакали курьеры, хватали большую часть оговоренныхъ лицъ и везли ихъ въ Москву на розыскъ. Въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа засвистали кнуты, неумолчно раздавались удары по голымъ спинамъ вздернутыхъ на дыбу и вымучивались всевозможныя относящіяся къ бѣгству царе-

вича показанія, которыя дьяки тутъ же записывали. Иногда кромѣ того подсудимые писали еще собственноручныя признанія. Болѣе всѣхъ мучили Александра Кикина; его принимались пытать нѣсколько разъ, при чемъ добивались сознанія не только въ дѣлахъ, но и въ рѣчахъ или бесѣдахъ, отдѣльныхъ фразяхъ и даже въ самыхъ мысляхъ. Затѣмъ судъ, наряженный изъ высшихъ чиновъ, приговорилъ Кикина къ смертной казни (колесованію) съ отобраніемъ всего его имущества на государя *). Такому же розыску, а впослѣдствіи и смертному приговору подвергся камердинеръ царевича Иванъ Большой-Аѳанасьевъ; тому же подвергся оговоренный Аѳанасьевымъ дьякъ Ѳедоръ Вороновъ, который повторялъ слова кн. Василія Долгорукаго, сказанныя при возвращеніи Алексѣя: „Ѳдетъ сюда дуракъ царевичъ для того, что отецъ ему посулилъ жениться на Афросинѣ; жолвъ ему, не женитьба будетъ“. Служители царевича Иванъ Меньшой Аѳанасьевъ (братъ предыдущаго), Ѳедоръ Еверлаковъ и нѣкоторые другіе подсудимые послѣ пытокъ биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Учитель царевича Никифоръ Вяземскій былъ пытанъ и потомъ сосланъ въ Архангельскъ. Пытанные оговаривали еще разныхъ лицъ, которыхъ хватили и подвергали разспросу, и все за разговоры или словесные отзвывы о дѣлѣ царевича. Однако знатнымъ лицамъ оказывалось большее или меньшее снисхожденіе. Такъ, генераль-лейтенантъ князь Василій Долгорукій былъ привезенъ въ Москву въ кандалахъ и подвергнутъ допросу, хотя и безъ пытки; но за него вступился его родственникъ, столь извѣстный, князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и написалъ царю челобитную о милосердіи; самъ кн. Василій подаль повинную грамоту. Наказаніе ему ограничилось ссылкой въ Соликамскъ (откуда впослѣдствіи былъ возвращенъ).

Царевна Марья Алексѣевна также была подвергнута допросу, конечно, безъ пытки. Но такъ какъ открылись ея тайныя сношенія съ инокиней Еленою (Евдокіей Ѳеодоровной изъ рода Лопухиныхъ), то за бывшею царицей въ Суздальскій Покровскій монастырь поскакали Преображенскій капитанъ Скорняковъ-Писаревъ. Войдя неожиданно въ ея келью, онъ засталъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ; перерылъ ея сундуки и нашелъ нѣсколько подозрительныхъ бумагъ, а на жертвенникѣ въ Благовѣщенской церкви писанную ектенью, которая поминала о здравіи „благочестивѣйшую великую государыню Евдокію Ѳеодоровну“. Привлеченіе къ суду Евдокин-Елены широко распространило и усложнило судный процессъ, ибо повело

*) Преданіе увѣряетъ, что Кикинъ сказалъ Петру: Русскій умъ любить просторъ, а при тебѣ ему тѣсно. П. В.

за собою арестъ многихъ связанныхъ съ нею лицъ, каковы: братъ ея Авраамъ Лопухинъ, князь Семень Щербатый, Суздальскій протопопъ Андрей Пустынный, ключарь Ѳеодоръ Пустынный, старица - казначея Маремьяна, старица Каптелина и т. д. Изъ показаній старицъ Маремьяны и Каптелины открылась любовная связь Евдокіи Ѳеодоровны съ генераломъ Степаномъ Богдановымъ Глѣбовымъ, съ которымъ она познакомилась во время его прїѣзда въ Суздаль для рекрутскаго набора. Разумѣется, Глѣбовъ былъ немедля схваченъ. Онъ сознался въ означенной любовной связи и въ полученіи отъ нея писемъ, писанныхъ старицей Каптелиной *). Сознаніе однако не спасло его отъ пытокъ, посредствомъ которыхъ тщетно вымучивали показанія о прикосновенности его и бывшей царицы къ бѣгству царевича. Изъ розыска между прочимъ открылись дружба и сношенія Евдокіи и Глѣбова съ епископомъ Ростовскимъ Досифеемъ, прежде бывшимъ архимандритомъ Спасскаго Евфимьева монастыря. Оказалось, что именно онъ поощрилъ Евдокію снять монашеское платье, покровительствовалъ ея связи съ Глѣбовымъ, поминалъ ее царицею и пророчествовалъ, что государь опять возьметъ ее къ себѣ. Арестованный Досифей былъ собранъ лишенъ архіерейскаго сана и названъ просто разстригою Демидомъ, а затѣмъ подвергнутъ розыску и неоднократнымъ пыткамъ. Одновременно съ нимъ такимъ же пыткамъ подвергли и брата Евдокіи Авраама Лопухина. Пытали также и князя Семена Щербатаго. Не перечисляемъ разныхъ второстепенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ розыску по такъ-наз. Суздальскому дѣлу, т.-е. за сношенія съ бывшей царицей или услуги ей оказанныя. Въ срединѣ Марта 1718 года послѣдовалъ по сему дѣлу приговоръ: Степанъ Глѣбовъ былъ посаженъ на колъ, бывший епископъ Досифей колесованъ, ключарь Ѳеодоръ Пустынный и пѣвчій царевны Маріи Ѳеодоръ Журавскій также казнены смертию. На Кремлевской площади поставили каменный четырехугольный столбъ, на которомъ положили трупы казненныхъ, и головы ихъ воткнули на желѣзные шпичи, утвержденные по сторонамъ столба. Авраамъ Лопухинъ, подобно Ивану Аѳанасьеву, пока не казненъ и отосланъ въ Петербургъ для продолженія розыска. Остальные биты кнутомъ и сосланы, при чемъ нѣкоторые, какъ князь Семень Щербатовъ, съ урѣзаніемъ языка и вырваніемъ ноздрей. Въ числѣ осужденныхъ женщинъ были княгиня Настасья Голицына, которую наказали батогами и сослали на прядильный дворъ, и княгиня Настасья Троекурова (сестра Авраама Лопухина), которая „по жестокомъ наказаніи“ (бита кнутомъ) сослана въ дальній монастырь.

*) Имѣются показанія о томъ, что все это выдуманно, и письма—поддѣльныя. П. Б.

Сама бывшая царица Евдокія-Елена Ѳедоровна отправлена въ заточеніе въ Ладожскій дѣвичій монастырь, а царевна Марія Алексѣевна въ Шлиссельбургъ (въ слѣдующемъ году возвращена въ Петербургъ, гдѣ скончалась въ 1723 г.).

Во второй половинѣ Марта Петръ съ дворомъ и царевичемъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и тамъ продолжалъ розыскъ по дѣлу Алексѣя Петровича, который былъ совершенно подавленъ этимъ розыскомъ и думалъ утопить горе въ винѣ. Въ Апрѣлѣ воротилась Евфросинья съ братомъ Иваномъ и служителями царевича. Послѣдній, въ день Святой Пасхи, на колѣняхъ умолялъ Екатерину исходатайствовать ему бракъ съ возлюбленной, но тщетно. Очевидно, несчастный все еще надѣялся на отцовское помилованіе. Служители его немедля подверглись пыткамъ и разспросамъ. Вмѣстѣ съ другими арестованными лицами посаженная въ Петропавловскую крѣпость, Евфросинія разрѣшилась отъ бремени. Тогда ее также привлекли къ розыску, но безъ пытокъ: во-первыхъ, ей были обязаны возвращеніемъ царевича, а во-вторыхъ, она почти ни въ чемъ не запералась и давала на все откровенныя показанія, нисколько не жалѣя своего обожателя.

Допросы касались, конечно, главнымъ образомъ бѣгства, заграничнаго пребыванія и письменныхъ сношеній его какъ съ иноземными покровителями, такъ и со своими сторонниками въ Россіи. Евфросинія передала даже интимные разговоры, которые царевичъ иногда велъ съ нею объ отцѣ, о своихъ сторонникахъ, о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ. Напримѣръ, онъ выражалъ намѣреніе, когда станетъ государемъ, то будетъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ, Петербургъ же оставить простымъ городомъ, также и кораблей держать не будетъ, а войско только для обороны, ибо войны ни съ кѣмъ не хотѣлъ и т. п. По поводу воли Петра учинить наслѣдникомъ сына-младенца, говорилъ: „надѣется отецъ мой, что жена его, а моя мачиха умна, а когда учиня сіе умреть, то будетъ бабѣ царство! И добра не будетъ, а будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, иные за меня“. Показанія Евфросиніи повели за собою новыя большею частью письменныя допросныя пункты самому Алексѣю; въ отпискахъ своихъ онъ отчасти сознался, отчасти заперался.

Домогательства враговъ царевича добыть уничтожающія его показанія такимъ образомъ увѣнчались успѣхомъ. На ихъ основаніи установлено было, что онъ неискренно отказывался отъ престолонаслѣдія, а въ дѣйствительности очень желалъ наслѣдовать и не прочь

былъ искать для того иноземной помощи, напимѣрь, цесарской; разсчитывалъ и на внутреннюю смуту, т.-е. на массу недовольныхъ Петровскими жестокостями и преобразованиями, особенно на духовенство и даже на армію, и хотя никакого злодѣянія не замышлялъ противъ отца, но ожидалъ скорой его смерти, на основаніи разныхъ соображеній, напимѣрь, частыхъ недомоганій, видѣній и прорицаній.

Великій преобразователь съ свойственной ему плодовитостью въ Маѣ и Іюнѣ сочинилъ по сему поводу нѣсколько обращеній къ народу, къ духовнымъ и гражданскимъ чинамъ. Главный смыслъ сихъ обращеній заключался въ томъ, что хотя онъ и обѣщалъ царевичу прощеніе, но будто бы подъ условіемъ чистосердечнаго и полного во всемъ признанія и раскаянія; а такъ какъ Алексѣй не исполнилъ сего условія, то прощеніе ему не въ прощеніе. 14 Іюня онъ былъ взятъ подъ караулъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ Трубецкой раскатъ, гдѣ устроенъ былъ и пыточный застѣнокъ. Призванные дать свое мнѣніе архіереи и другія духовныя лица, съ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ во главѣ, на сей разъ дали достойный духовенства отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: если государь захочетъ наказать сына, то найдетъ соотвѣтствующіе тому примѣры въ Ветхомъ Завѣтѣ, а если соблаговолитъ помиловать, то имѣетъ тому образецъ въ самомъ Христѣ, который сказалъ; „Милости хочу, а не жертвы“. Чины гражданскіе и военные, прежде нежели дать отвѣтъ, рѣшили непосредственно допросить въ Сенатѣ какъ самого царевича, такъ и другихъ подсудимыхъ, т.-е. Абрама Лопухина, Ѳедора Дубровскаго, Никифора Вяземскаго, кн. Вас. Долгорукаго и протопопа Якова Игнатьева. Лопухинъ, Дубровскій, Игнатьевъ допрашивались подъ жестокими пытками. Ничего новаго отъ нихъ не узнали; повторялись все тѣже слухи и разговоры.

Кажется, розысками Московскимъ и Петербургскимъ, пыточный матеріалъ для обвиненій былъ уже собранъ въ достаточномъ количествѣ. Но врагамъ Алексѣя Петровича этого было мало; ни его постриженіе въ монахи, ни его заключеніе ихъ не удовлетворяли; имъ нужно было извести его, чтобы впослѣдствіи онъ никоимъ образомъ не могъ явиться претендентомъ на престоль. И они рѣшили извести его простымъ способомъ: пытками. Хотя царевичъ въ концѣ-концовъ сознался почти во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, тѣмъ не менѣе, по приказу царя, 19 Іюня 1718 года его привели въ застѣнокъ и стали спрашивать: правду ли онъ показалъ на многихъ людей, т.-е. собственно на сказанныя тѣмъ или другимъ слова, не поклепалъ ли кого? Напимѣрь, правда-ли, что „царевна Марья вѣдала о его побѣгѣ

и говорила, что (въ народѣ) осуждаютъ отца, будто онъ мясо ѣсть въ посты и мать (Алексѣя) оставилъ“ Или: правда ли, что кн. Василій Долгорукій говорилъ: „Давай-де отцу писемъ хоть тысячу, когда-де чтò будетъ“ Или: правда ли, что на исповѣди онъ сказалъ своему духовнику Якову Игнатѣеву, что желаетъ отцу смерти, а тотъ отвѣтилъ: „Богъ тебя проститъ; мы-де и всѣ желаемъ ему смерти“. И такія „правда ли?“ повторяются почти о всѣхъ оговоренныхъ лицахъ. Несчастнаго царевича вздернули на дыбу и отсчитали ему 25 ударовъ, чтобы получить отъ него подтвержденіе всѣхъ его показаній. Не довольствуясь тѣмъ, Петръ, спустя три дня, посылаетъ въ крѣпость Толстого допросить царевича, по какой причинѣ онъ не слушался отца и не боялся за то наказанія, а наслѣдія престола добивался „не послушаніемъ, но иною дорогою“. Какъ ни странны были подобные вопросы послѣ столькихъ розысковъ и пытокъ, Алексѣй Петровичъ пишетъ на нихъ отвѣтъ со ссылками на дурное вліяніе поповъ и чернецовъ, на свое злонравіе и на свою преступную надежду получить вооруженную помощь отъ цесаря. Очевидно, если записи показаній вѣрны дѣйствительности, царевичъ съ отчаянія или по принужденію самъ писалъ на себя все, чтò отъ него требовали его враги, только бы его болѣе не мучили. Тщетная надежда. 24 Іюня его опять повели въ застѣнокъ и дали 15 ударовъ, снова поставивъ вопросы: „Все ли написалъ правду, не поклепалъ ли кого, не утаилъ ли чего?“

Между тѣмъ Петръ назначилъ для него верховный судъ изъ 127 человекъ. Сюда вошли знатнѣйшіе чины, начиная съ князя Меншикова, генералъ-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, кончая капитанами и поручиками, изъ коихъ нѣкоторые были совсѣмъ неграмотные. Верховный судъ 24 Іюня единогласно приговорилъ царевича къ смертной казни, чтò согласовалось, конечно, съ волею самого царя.

Казалось бы, Петру оставалось или всѣмъ завѣдомо исполнить смертный приговоръ, или смягчить наказаніе, или совсѣмъ помиловать. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Спустя два дня послѣ приговора, а именно 26 Іюня въ 7-мъ часу пополудни царевичъ скончался. Таково было официальное извѣстіе. Но какъ и почему скончался, о томъ строго сохранялась непроницаемая тайна. А вслѣдствіе тайны дано было широкое поприще для всякаго рода слуховъ и догадокъ. Поэтому и явилось такое разнообразіе въ извѣстіяхъ современниковъ и ближайшаго потомства о смерти царевича. Такъ, Ганноверскій резидентъ Веберъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ (Das

Veränderte Russland) даетъ сентиментальный разсказъ о томъ, что объявленіе смертнаго приговора вызвало у царевича апоплексическій ударъ, что царь посѣтилъ умирающаго сына, снисходя къ его мольбамъ, далъ ему прощеніе и благословеніе и ушелъ, заливаясь слезами. Австрійскій резидентъ Плеіеръ доносилъ своему начальнику, что царевичу отрубили голову мечомъ или топоромъ. Голландскій резидентъ Яковъ де-Би доносилъ своему правительству, что Алексѣй Петровичъ умеръ отъ растворенія жилъ. Англійскія записки Генриха Брюса сообщаютъ, что ему поднесенъ былъ напитокъ съ ядомъ. Сомнительное письмо Александра Румянцева къ Д. Н. Титову повѣствуетъ, какъ онъ, Румянцевъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, Толстымъ и Ушаковымъ задушили подушкою царевича по приказу царя. Наконецъ, въ одномъ Французскомъ изданіи XVIII столѣтія приведено извѣстіе, будто самъ царь топоромъ отрубилъ голову сыну.

Всѣ приведенныя сейчасъ извѣстія о смерти Алексѣя болѣе или менѣе недостоверны. Настоящій свѣтъ на эту трагическую кончину проливаетъ „Записная книга С.-Петербургской гарнизонной канцеляріи“. Она лаконически отмѣчаетъ, что 26 Іюня въ 8-мъ часу пополудни въ крѣпости собрались самъ царь, кн. Меншиковъ, кн. Долгорукій, Головкинъ, Апраксинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Шафировъ и Бутурлинъ. „И учиненъ былъ застѣнокъ“. Въ 11 часовъ власти разѣхались, а „въ 6-мъ часу пополудни царевичъ, Алексѣй Петровичъ, преставился“. Въ полномъ согласіи съ симъ извѣстіемъ находятся „Поденныя записки дѣламъ князя Меншикова“, которыя говорятъ о томъ, какъ этотъ день провелъ свѣтлѣйшій, однако безъ упоминанія о застѣнкѣ. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно: царевичъ подвергся третьему пыточному розыску, и на сей разъ смертельному. Чего еще, какихъ признаній отъ него могли добиваться его судьи и палачи, хотя и придумали новые вопросныя пункты по поводу его выписокъ изъ Баронія? Конечно, добивались уже не признаній, а самой смерти. Только эта смерть могла упрочить наслѣдіе престола за маленькимъ сыномъ Екатерины и успокоитъ опасенія за свою будущую судьбу какъ Екатерины, такъ и Меншикова. Тогда какъ первая показывала видъ печали, послѣдній даже не скрывалъ своего удовольствія послѣ кончины царевича. Самъ Петръ по наружности оставался равнодушнымъ, а на слѣдующій день 27 Іюня, день Полтавской побѣды, праздновалъ дневнымъ пиромъ и вечерними увеселеніями. Тѣло царевича 28 числа вынесли изъ крѣпости въ ближайшій деревянный Троицкій соборъ. А 29-го Петръ праздновалъ свои именины спускомъ новаго корабля и широмъ до

поздней ночи. 30-го, наконецъ, торжественно похоронили Алексѣя въ крѣпостномъ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ его супругой Шарлоттой *).

Розыскъ, т.-е. допросы и пытки, и послѣ смерти царевича продолжался съ неослабной энергіей и закончился только въ Декабрѣ. Одни изъ подсудимыхъ (Абрамъ Лопухинъ, Вороновъ, Яковъ Игнатьевъ, Иванъ Аѳанасьевъ, Дубровский) были казнены, и отрубленныя головы ихъ воткнуты на желѣзныхъ спицахъ вокругъ каменнаго столба. Другіе биты кнутомъ съ урѣзаніемъ языка и рваніемъ ноздрей.

Евфросинья за ея предательство получила свободу вмѣстѣ съ частью Алексѣева имущества, удостоилась милостей и, если вѣрится одному извѣстію, вышла замужъ за офицера, служившаго въ томъ же Петропавловскомъ гарнизонѣ.

VIII.

Заключеніе.

Само собою разумѣется, что такое сложное событіе, какъ дѣло царевича Алексѣя, вызывало разнообразныя взгляды, сужденія и отношенія въ исторической литературѣ.

Академикъ Устряловъ посвятилъ сему дѣлу большой томъ съ приложеніемъ свыше 200 документовъ, извлеченныхъ изъ Русскихъ государственныхъ архивовъ, а также изъ Вѣнскаго Тайнаго Архива, и большею частію впервые обнародованныхъ. Но, преслѣдуя чисто-фактическую сторону сего дѣла, онъ воздержался отъ какихъ-либо положительныхъ выводовъ и даже отъ догадокъ относительно закулисной его стороны, а тѣмъ менѣе коснулся его государственнаго значенія. За то другой академикъ, Погодинъ, въ своемъ Отчетѣ объ изданномъ Устряловымъ дѣлѣ царевича, проникнуть явною симпатіей къ послѣднему и близко подходитъ къ истинѣ, заподозривъ въ гоненіи на него интригу нѣкоторыхъ близкихъ къ царю лицъ, главнымъ образомъ, Егатерины и Меньшикова. Третій академикъ, Соловьевъ, наоборотъ, съ явнымъ несочувствіемъ относится къ Алексѣю, видитъ въ немъ опасное орудіе Московской реакціи противъ Петровскихъ преобразованій и склоняется на сторону того мнѣнія (оно же высказано самимъ Петромъ), которое полагаетъ, что царь пожертвовалъ сыномъ для спа-

*) Лишь въ прошломъ году найдено тѣло царевича Алексѣя Петровича въ колокольнѣ Петропавловской крѣпости. П. В.

сенія своихъ реформъ, т.-е. ради блага государственнаго. Почти той же точки зрѣнія держится Костомаровъ. Четвертый академикъ, В. О. Ключевскій, въ IV выпускѣ своего „Курса Русской исторіи“, посвященномъ по преимуществу Петру Великому, совсѣмъ пропустилъ дѣло царевича, и только въ параграфѣ о „престолонаслѣдіи Петра I“ онъ замѣтилъ: „Спасая свое дѣло, отецъ во имя его пожертвовалъ и сыномъ“, слѣдовательно, безъ всякихъ разсужденій, примкнулъ къ мнѣнію Соловьева. Къ тому же мнѣнію, конечно, присоединились писавшіе специально объ этомъ дѣлѣ историки-Нѣмцы, именно: Марбургскій профессоръ Эрнестъ Германъ и въ особенности Дерптскій профессоръ А. Брикнеръ; послѣдствія показали, что устраненіе Алексѣя Петровича отъ престола болѣе всего принесло пользу Нѣмецкимъ интересамъ. Брикнеръ не безъ паѳоса ставитъ Петра передъ задачей: или пожертвовать сыномъ, или поставить на карту свои реформы, судьбу своихъ жены и рожденныхъ отъ нея дѣтей, интересы государства, народа и, можетъ быть, судьбу всей Россіи. Упомяну еще Польско-французскаго писателя К. Валишевскаго, который въ большемъ томѣ, посвященномъ Петру Великому, съ обычною своею развязностью и болтливостью передаетъ подробности по дѣлу царевича и даже приводитъ неблагопріятный для Петра отзывъ объ этомъ дѣлѣ Вольтера; но, оставаясь равнодушнымъ къ его трагической развязкѣ, онъ не даетъ ему историческихъ объясненій и выводовъ.

Никто, однако, изъ названныхъ историковъ не остановился на этой развязкѣ съ точки зрѣнія ея дѣйствительныхъ послѣдствій, не попытался дать всему дѣлу настоящее мѣсто въ Русской исторіи и не оцѣнилъ всей его важности по отношенію къ дальнѣйшимъ судьбамъ Русскаго народа и государства. Почти у всѣхъ оно является какимъ-то неприятнымъ эпизодомъ въ знаменитомъ царствованіи, и только.

Что же такого таинственнаго и неожиданнаго узналъ Петръ вслѣдствіе варварскихъ истязаній сына, его близкихъ и его сторонниковъ? Да почти все то же, что доходило до него и изъ другихъ источниковъ. А именно: что многіе Русскіе люди сѣтовали на крайнюю жестокость и деспотичность царя, на страшную тяжесть безконечной Шведской войны, на его пристрастіе къ иноземцамъ, на его рѣзкое неуваженіе къ старымъ Русскимъ обычаямъ и преданіямъ, на его презрительное отношеніе къ церковной іерархіи и т. п. Естественно, эти люди питали надежду, что послѣ Петра произойдутъ перемѣны, когда на престолъ взойдетъ наслѣдникъ его Алексѣй Петровичъ, обнаружившій приверженность къ Русской старинѣ вообще и особую

привязанность къ православнои церковности; а потому втайнѣ желали, чтобы перемѣна царствованія наступила возможно скорѣе. Самъ Алексѣй, пренебрегаемый, гонимый, угрожаемый лишеніемъ свободы и даже жизни, конечно въ сердцѣ своемъ питаль тоже желаніе. Но всѣ старанія розыска обвинить его въ попыткахъ устроить заговоры и мятежи противъ отца являлись совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности. Всѣ подобныя обвиненія основывались только на разговорахъ людей недовольныхъ, на слухахъ, случайно сказанныхъ фразахъ и т. п. Алексѣй до того былъ забить и такъ боялся отца, что не представлялъ для него ровно никакой опасности и дрожаль только за собственное существованіе. Карать же его за то, что онъ былъ плохо воспитанъ, что у него былъ другой характеръ, чѣмъ у отца, иныя наклонности и привычки и даже нѣсколько иное міровоззрѣніе, такая кара является величайшею несправедливостью. Въ плохомъ воспитаніи, въ устраненіи отъ государственныхъ дѣлъ и отчужденіи отъ отца прежде всего и болѣе всего виновать самъ отецъ, рано лишившій сына и материнскихъ попеченій, и собственной родительской любви и оставившій его въ извѣстномъ окруженіи людьми старорусскаго закала. А кто же привиль ему пагубную привычку къ черемѣрному винопитію, какъ не самъ царь собственнымъ примѣромъ и не главный его наперсникъ Меньшиковъ, намѣреннo спаивавшій порученнаго его руководителству царевича? Затѣмъ, выдвинутыя главнымъ основаніемъ казни, пресловутыя опасенія за судьбу Петровскихъ преобразованій въ случаѣ воцаренія Алексѣя не выдерживаютъ исторической критики. Полный возвратъ къ старинѣ отнюдь не былъ возможенъ: такъ далеко продвинулась Русь и въ политическомъ, и въ географическомъ отношеніи. Отмѣна регулярной арміи прямо была немислима; а высказанное намѣреніе упразднить флотъ было пустою фразою, брошеною въ интимномъ разговорѣ съ возлюбленною въ горькія минуты, когда человѣкъ способенъ заговариваться и нести всякій вздоръ; отрезвленіе не замедлитъ, какъ скоро тотъ же человѣкъ станеть лицомъ къ лицу съ желѣзной дѣйствительностью и вопіющими потребностями своей страны. Вспомнимъ, что къ Балтійскому морю и заведенію тамъ флота стремился уже дѣдъ царевича высокочтимый имъ Алексѣй Михайловичъ. Итакъ, всѣ выставленныя выше причины нисколько не оправдываютъ Петра въ его варварской казни царевича и въ попраніи имъ клятвенно даннаго и подписаннаго царскаго слова помиловать сына, если тотъ вернется въ отечество. Ясно, что не эти причины руководили окончательнымъ царскимъ рѣшеніемъ; а тутъ дѣйствовала интрига такихъ близкихъ и заинтересованныхъ лицъ, какъ Меньшиковъ и Екатерина, которые не считали

свое будущее положеніе обезпеченнымъ, пока оставался въ живыхъ царевичъ Алексѣй.

И великїи человѣкъ легко поддавался этимъ интригамъ противъ его нелюбимаго сына отъ перваго брака, въ пользу другого,—отъ любимой второй супруги.

Историческая Немезида не замедлила поразить Петра въ самое сердце: въ 1719 году умеръ объявленный имъ наслѣдникомъ престола маленькїй царевичъ Петръ Петровичъ. Хотя наслѣдство по всѣмъ правиламъ должно было перейти опять къ внуку, Петру Алексѣевичу, но сынъ опальнаго казненнаго царевича Алексѣя, очевидно, не пользовался расположеніемъ дѣда, и царь въ 1722 году издалъ указъ о томъ, что Русскїй государь, въ силу своей неограниченности, можетъ назначить себѣ преемникомъ кого угодно. Но, какъ извѣстно, Петръ скончался, не успѣвъ никого назначить, и Русскїй престолъ сдѣлался игрищемъ въ рукахъ придворныхъ партїй и петербургской гвардіи; о желанїи Русскаго народа въ такихъ случаяхъ Петербургъ уже не спрашивалъ. Какъ, уважаемый Петромъ и сродный ему по жестокости и кровопійству, Иванъ Грозный убійствомъ старшаго сына прекратилъ династію Св. Владимира и тѣмъ вызвалъ смутное время на Руси, такъ и Петръ убійствомъ своего первенца прекратилъ династію Романовыхъ (т.-е. ея мужескую линію), и за нимъ послѣдовало подобіе смутнаго времени, пока престолъ не укрѣпился за потомствомъ его дочери, Анны. Подобно Грозному, онъ своими пытками и казнями сломилъ всѣ попытки къ отпору его нововведенїямъ и довелъ царскую власть до ничѣмъ неограниченнаго самовластія; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе испортилъ народный характеръ, усиливая въ немъ раблѣпіе. А главное, своимъ пристрастіемъ къ иноземцамъ, полнымъ униженіемъ родовой Русской аристократїи, отгнѣною Боярской думы (разумѣя вмѣстѣ съ нею и Освященный соборъ) и водвореніемъ бюрократїи, переполненной на верхнихъ ступеняхъ Нѣмцами, онъ приготовилъ Нѣмецкое господство на Руси. Онъ устранилъ сына, и вмѣсто послѣдняго, спустя только 5—6 лѣтъ послѣ кончины царя, управленїе Россїей захватила группа Нѣмецкихъ дѣльцовъ, съ проходимцемъ-Бирономъ во главѣ. Этотъ проходимецъ, какъ правитель Россїи, есть всецѣло слѣдствїе Петровскихъ преобразовательныхъ крайностей: послѣ Алексѣя Михайловича онъ былъ невозможенъ, а послѣ Петра сдѣлался не только возможностью, но и дѣйствительностью. Нѣмецкое господство воспользовалось именно указанными сторонами Петровой дѣятельности, чтобы легко устранить всякое себѣ противодѣйствїе, т.-е. воспользовалось всею полнотою неограниченной верховной власти,

униженіемъ родовой знати и церковной іерархіи, а также раболѣпными привычками, внѣдренными Русскому обществу при помощи застѣнка и топора.

Наступившее вслѣдъ за кончиной Преобразователя подобіе смутнаго времени не уничтожило его главныхъ преобразованій, военныхъ, правительственныхъ и общественныхъ, и ясно показало, какъ неосновательны были его опасенія на случай перехода власти въ руки царевича Алексѣя. Наоборотъ, послѣдствія сыноубійства создали именно ту политическую атмосферу, которая постоянно ослабляла дальнѣйшее дѣйствіе произведенныхъ реформъ и мѣшала Русскому государству, т.-е. Восточной Европѣ, стать на равную ногу съ Западной въ смыслѣ Европейской культуры. Прошло 200 лѣтъ со времени этихъ реформъ, а Россія не догнала Европу и является почти такою же отсталою по культурѣ какъ и въ его время. Петръ страстно стремился къ морю и завоевалъ Балтійскіе берега; но, и 200 лѣтъ спустя, эти берега остаются не-Русскими. Основанный имъ на Чухонской окраинѣ, удаленный отъ Русскаго центра, Петербургъ не только ихъ не обрусилъ, но въ семь отношеній даже сдѣлалъ шагъ назадъ, подаривъ Чухонцамъ завоеванную Петромъ и его дочерью Елисаветою Выборгскую губернію и поставивъ Русскую народность ниже Чухонской въ правахъ гражданства. Однимъ словомъ, недостатокъ національной политики въ теченіе Петербургскаго періода имѣетъ своимъ началомъ излишнее преклоненіе Преобразователя передъ иноземщиной и крайне неуважительное отношеніе къ своей коренной народности, къ ея вѣковымъ преданіямъ и обычаямъ, многіе изъ коихъ заслуживали болѣе бережнаго съ ними обращенія, а не жестокихъ пытокъ и казней, или глумленія надъ ними всепьянѣйшаго собора, безпощаднаго брадобритія и т. п. Петръ далеко не оцѣнилъ громаднхъ жертвъ, принесенныхъ народомъ ради завоеванія Балтійскихъ береговъ, не оцѣнилъ преданнаго, даровитаго Русскаго племени, которое сумѣло бы безъ особаго принужденія усвоить себѣ дѣйствительно нужныя и полезныя преобразованія, и только страстная натура царя, его нетерпѣливость, тираннія и не всегда присущее умѣнье отличить необходимыя реформы отъ несущественныхъ вызывали въ народной средѣ ропотъ и духъ противорѣчія, доходившій иногда до явнаго неповиновенія, особенно со стороны приверженцевъ стараго церковнаго обряда, которые видѣли въ немъ даже Антихриста. Культурный разрывъ наружно европеизованныхъ высшихъ классовъ съ народною массою, а также недостатокъ единенія царя съ кореннымъ Русскимъ народомъ начались именно съ Петра Великаго. Этотъ недостатокъ единенія поддерживался и

усиливался, благодаря въ особенности Нѣмецкимъ бракамъ, каковые явились одною изъ наиболѣе упрочившихся Петровскихъ реформъ.

Повторяю, никто другой какъ Петръ приготовилъ наступившее вслѣдъ за нимъ подобіе известной смутной эпохи начала XVII вѣка. Жалкій, забитый царевичъ Алексѣй обнаружилъ не малую наблюдательность и даже недюженный природный умъ нѣкоторыми своими сужденіями (конечно, въ близкой ему средѣ), объ отцовскихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ. Между прочимъ, онъ мѣтко предсказалъ скорое наступленіе *бабьяго царства* и предчувствовалъ грядущее господство на Руси Нѣмцевъ. Насильственное устраненіе его отъ престола болѣе всего принесло пользу симъ послѣднимъ, а для Русскаго народа отнюдь не было благодѣяніемъ. Конечно, безпримѣрная дѣятельность и гениальность Петра навсегда стяжали ему наименование *Великаго* и провели рѣзкую грань между старымъ, Московскимъ, и новымъ, Петербургскимъ, періодами Русской исторіи. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Петровская эпоха послужила переходною ступеню отъ патриархальнаго и національнаго Московскаго самодержавія къ бюрократичному и космополитичному Петербургскому абсолютизму.

Исторія оцѣниваетъ такіа богатырскія личности не только по ихъ задачамъ, стремленіямъ и побѣжденнымъ препятствіямъ, но также и по важнѣйшимъ послѣдствіямъ ихъ дѣятельности. И наше поколѣніе, когда почти всѣ таковыя послѣдствія достаточно выяснились, съ большею основательностью и безпристрастіемъ, чѣмъ предыдущія поколѣнія, можетъ подводить историческіе итоги дѣяніямъ великаго Преобразователя земли Русской и указывать не только лицевую, но и обратную ихъ сторону.

Д. Иловайскій.

Съ позволенія глубокоуважаемаго маститаго историка, заимствуемъ эту статью изъ 45—47 листовъ его „Кремля“. Читатели цѣнятъ въ ней и обширную ученость, и трезвость сужденій, и благородное изящество безыскусственной рѣчи. П. В.

